

[Polaris]

Вивиан Итин

СТРАНА
ГОНГУРИ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CIV

Salamandra P.V.V.

**Вивиан
ИТИН**

**СТРАНА
ГОНГУРИ**

Избранные произведения
Том I

Salamandra P.V.V.

Итин В. А.

Страна Гонгури (Избранные произведения. Т. I). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2015. – 105 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CIV).

В первый том избранных произведений видного сибирского прозаика, поэта и одного из зачинателей советской научной фантастики В. Итина (1894-1938) вошла фантастическая повесть «Страна Гонгури» («Открытие Риэля»), публикуемая по первому изданию 1922 г. В приложениях – воспоминания В. Итина о работе над повестью и первая рецензия на «Страну Гонгури» (1922).

ВИВИАН ИТИН

Страна Тонгури

— * * * —
Р. С. Ф. С. Р.
— * * * —

— * * * —
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАНСК. 1922.

**СТРАНА
ГОНГУРИ**

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Меняются и умирают государства, умирает мораль, исчезают без следа религии, ископаемыми чудовищами кажутся древние системы права, но искусство остается. Настанет время, когда будут сданы в музей все нормы этики, сковывающие людские стада, коммуны и государства, но красота не перестанет заполнять сознания.

Творец, поэт и художник, воплощающий «бесконечное в конечном», отражает лишь великую потребность народов и общественных классов запечатлеть свои бури, радости и страдания в нетленных формах. И так велико это стремление, что искусство возникает даже в самой губительной для него среде. Песнь рождается среди звериного рева битвы, эскимос и кафр, после утомительной охоты, одинаково стараются воплотить в камне или дереве свое представление о великом Умкулумку-лу.

Искусство никогда не было независимым, свободным и потому высший его расцвет еще впереди. Оно гибло в лицемерном «свете» царского Петербурга, на чердаках Парижа, в тумане Лондона, в торгашестве Америки. Вспомните Пушкина, Берлиоза, Эдгара По, десятки других! Но и теперь, когда нет прежних цепей, мы сдавлены другим чудовищем — материальной нуждой...

И все-таки искусство должно существовать и передаваться другим. Мы отдаем художественному творчеству немногие ночные часы, так как прежде чем украшать дворец нового Мира, надо его построить, но мы должны быть готовы к тому периоду, когда это украшение станет главной задачей жизни.

В наше время столкновения двух миров, отчаянной войны за коммунизм против капиталистического произвола, когда все внимание поглощается этой гигантской битвой, особенное внимание мы должны отдать тому роману, где автор сквозь дым повседневности различает видения грядущего строя. «Откуда же было в такой стране начать социа-

листическую революцию без фантазеров», — говорит тов. Ленин, учитывая роль страстной мечты, о «Стране Грез» в борьбе передового авангарда пролетариата с могущественной буржуазией всего мира. Чтобы бестрепетно умирать во имя светозарного идеала, надо не только ненавидеть прошлое, но и представлять себе ясно конечную цель. Такое представление может дать только искусство.

«Страна Гонгури» написана еще в 1917 году. Осенью 1917 года эта фантастическая повесть т. Итина была одобрена и принята М. Горьким для журнала «Летопись» под другим названием «Открытие Риэля», но не была напечатана ввиду закрытия журнала. Впоследствии автор вновь значительно поработал над ней. Издавая в настоящее время эту небольшую книжку, Государственное издательство надеется, что ее высокие переживания дадут читателю радостный отдых и новый импульс энергии на тяжелом пути в Страну Будущего.

Канск-Енисейский. Январь, 1922 год.

I.

Тюрьма была переполнена. В одиночки запирали по несколько человек. В самой тесной клетке третьего этажа, где в коридорах все время дежурил военный караул, жили двое. Один был молод, другой казался стариком, но путь, отделявший юношу от смерти, был гораздо короче. Он был пойман с оружием в руках. Его дни были сочтены. Старик, когда-то известный врач, тоже обвинялся в большевизме, но в то время играли в законность и демократию, необходимо было разыскать какое-нибудь преступление, чтобы его повесить; поэтому в его прошлом упорно рылась следственная комиссия.

Молодой человек стоял на нарах и, прижав лицо к решетке, смотрел в лунный сумрак летней ночи. Низкие хвойные горы чернели на горизонте. Под ними стремилась огромная река, сиявшая серебряной чешуей. В последние ночи воображение пленника было особенно ярко. Он верил в теории, по которым человек, когда умирал, был мертв, но громадный оптимизм его молодости не допускал смерти. Расстрел представлялся ему звуковым взрывом, виселица — радужными кругами в глазах. Остальное было так же нереально, как тюрьма, поглощенная его воспоминаниями и грезами.

Лунное отражение раздвинуло горы до горизонта. Пред ним беззвучно вздымались ровные волны теплого океана, покачивая огромную лодку. Он лежал на корме, разбитый дневной работой, но ему было хорошо от выпитого вина. Рядом двое китайцев, таких же носильщиков, как и он, ссорились из-за украденной рыбы. Он смотрел то на живой путь луны в океане, то на отражения разноцветных огней гавани, отелей и кабаков. Он мечтал, убаюканный ритмом волн и вздохами нежного бриза, которым никогда нельзя было надышаться. Зловонный чудовищный город исчез. Банановые рощи выросли на берегу. Чудесная набережная охватила бухту и, как сон, по ее извилям вознеслись неви-

данные здания. Он так углубился в свои видения, что незаметно, едва слышно, проговорил, наполняя камеру певучим размером:

— Страна, где все другое,
Страна моей Гонгури.

Врач, читавший полулежа у восковой свечи какую-то рукопись, внезапно приподнялся.

— Страна Гонгури, — сказал он. — Я только что прочел это название в твоей тетрадке, Гелий. Здесь больше мистики, чем географии.

— Страна Гонгури, — повторил Гелий, стараясь очнуться.

Он замолчал снова.

Врач взял рукопись, перевернул страницу и стал медленно читать стихи Гелия, иногда задумываясь на минуту в конце строфы.

— В снегах певучих жестокой столицы
Всегда один блуждал я без цели
С душой перелетной пойманной птицы,
Когда другие на юг улетели.
И мир был жесток, как жестокий холод.
И вились дымы-драконы в лазури.
И скалил зубы безжалостный голод.
А я вспоминал о Стране Гонгури.
И все казалось, что фата-моргана
Все эти зданья и арки пред мною,
Что все, как «дым пред лицом урагана»,
Исчезнет внезапно, ставши мечтою.
Здесь не было снов, но тайн было много
И в безднах духа та нега светила —
Любовь бессмертная мира иного,
Что движет солнце и все светила.

— Это написано очень давно, — сказал Гелий, — еще когда я был студентом в Петербурге.

— Тем более, — сказал врач, — почему ты никогда не говорил мне о Гонгури?

Тень Гелия задвигалась на переплетах решетки и тотчас же вслед ей грохнул тяжелый выстрел. Рикошет пули наполнил одиночку резким злым воем и мгновенно затих, щелкнув в углу.

— Упражняются, сволочи!

Гелий спрыгнул с нар и подошел к свету.

— Как бы вырваться отсюда! — невольно пробормотал он, сжав кулаки.

Его лицо трепетало.

Ему было 24 года. На вид ему было больше. Его бронзовое лицо с признаками непоправимого истощения покрывалось тем туманно-матовым налетом, какой может дать только тюрьма. Левый висок был рассечен, на руке не хватало двух пальцев и неизвестно сколько шрамов скрывала одежда, но жизнь и сила бились в нем, как дикий зверь в капкане. Врач прижимал руку к груди. Гелий заметил это и вдруг ласково улыбнулся.

— Что, испугался, старина? — спросил он, касаясь плеча друга.

— Я просил тебя, — сказал тот, немного задыхаясь, — не подходить к окну. Вчера поставили казачий караул.

— Что ж, доктор, неожиданность — лучше, — ответил Гелий. — У меня нет иллюзий. Это ты говоришь: «Они не посмеют», но они только выжидают момент и все представители всех культурных народов мира при всех белых армиях будут молчать, как всегда. Когда я не мечтаю, у меня нет иллюзий. Я пережил тысячи приключений, не меньше тебя, старина, но теперь у меня предчувствие, что... Впрочем, — Гелий быстро вскинул голову: — ты хотел спросить меня о чем-то? Гонгури. Да, сейчас, пожалуй, действительно пора заняться самыми индивидуальными переживаниями.

Гелий замолчал. Старик, потрясенный и ослабевший, молчал тоже. Потом Гелий продолжал, стараясь заставить его забыть случившееся.

— Я никому не говорил об этом. Ты знаешь, я не люблю членов партии. Я знаю, что они необходимы в эпоху борьбы и армий и что они хорошие боевые товарищи, но я не люблю их. Тебя, как друга, я узнал недавно. В сущности говоря, тут не о чем рассказывать. Сначала это пришло во время далекого детства, когда я лежал с книжкой под головой в зеленой тени и стрекозы пели в небесной сини. Потом всего яснее это повторилось на берегу Индийского океана, незадолго перед тем, как мы встретились. Иногда я курил опиум, стараясь убить время, и каждый раз мне снилось, что так называемый действительный мир становится неясным мелькающим вихрем частиц, исчезая в безмерных пространствах, пока вдруг не наступал момент, когда бессмертный дух забывает тело. И тогда, сперва словно отвлеченная гипотеза, а потом как незыблемая истина являлся мне бледный намек о Стране Гонгури. Но не только в кабаках, — в дни, когда я бывал совсем трезв и голоден и дремал от усталости, во мне возникала уверенность, что я вдруг переходил в совсем другой мир, я жил там и действовал, но когда просыпался, помнил все очень смутно. Однажды, еще на севере, я испытал глубокий экстаз, стоивший мне большой потери сил, и после того я запомнил имя женщины. Ее звали Гонгури. На океане это повторялось чаще. Словом, Страна Гонгури — навязчивые сны с необыкновенным тоном реальности. Вот и все. Все это, конечно, имеет свои научные объяснения, доктор. Дайте прикурить.

— Да, можно всему найти научные объяснения, — подтвердил врач. Затем, после долгой тишины, нарушаемой бредом тюремных окриков, пока Гелий курил, нервно глотая дым, он очень тихо и очень сосредоточенно произнес: «Гелий, хочешь вернуться в Страну Гонгури?»

Гелий встал. Он сначала удивился, потом нахмурился.

— Злая шутка, — пробормотал он. — Мечтать и открывничать — слабость, но...

Раздался новый выстрел, потом длинный страшный крик.

— На этот раз прямо в цель, — сказал Гелий. — Говорят, они получают по сто рублей за каждую удачу.

Вдруг он вскрикнул и бросился к окну.

— Гелий, Гелий! — закричал врач, ловя его руку, — я совсем не шутил, я говорил серьезно. Сядь!

— Во имя того, что у нас нет бога, доктор, дай мне закончить со всем этим, — я не могу больше! — ответил юноша.

— Что ты хочешь сделать?

Рука Гелия ослабела, он вернулся и сел на нары, прислушиваясь к внезапной тишине.

— Ты говорил, — продолжал врач, пытаясь заинтересовать его прежней темой, — что ты жил в Стране Гонгури. Что было, то есть. Что такое время? Нелепость. Почему бы нам не восторжествовать над нелепостью?

— Ну, ты изобрел «Машину Времени», — усмехнулся Гелий, привычным усилием воли подавив пережитое волнение.

— Да, — ответил врач, ободренный его вниманием. — Только не думай, что я сошел с ума. Торжество над временем вовсе не утопия и я докажу это. Мы постоянно нарушаем его законы во сне. Наука зарегистрировала множество случаев, когда самые сложные сновидения протекали параллельно с ничтожным смещением часовой стрелки. Я сам испытал нечто подобное во время опытов с одурманивающими ядами и теперь не сомневаюсь даже в семилетнем сне Магомета, восхищенного Аллахом до семи небес, начавшимся, когда опрокинулся кувшин с водой и кончившимся, когда вода еще не успела вытечь из него. Однако обыкновенный сон не годится для наших целей. Он слишком нестроен; его режиссер вечно путает сцены. Гипнотический сон всего более подходит для нас.

— Гипнотический сон? — повторил Гелий. Он действительно заинтересовался.

— Да. Впрочем, не следует уподоблять гипнотизм сну. В некоторых стадиях гипноза самое тусклое сознание может расцвести волшебным цветком. Один мой пациент производил впечатление гения своими экстатическими импровизациями, хотя в обыкновенной жизни это был бездарнейший писака.

— Может быть, он повторял чужие стихи, — заметил Гелий с еще неисчезнувшей иронией.

— Все равно, — ответил врач, — наяву я не слышал от него ничего подобного. Он обладал нечеловеческой памятью. Он мог воспроизвести все ничтожные факты своей жизни, все мимолетные происшествия, мог стать совершенным ребенком и чем-то еще ниже, до страшного сходства всех особенностей психики, до возвращения первобытных темных инстинктов. Другой, совсем калека, профессор, высохший, как Момзен, погружался в другую индивидуальность, чуждую его нормальному Я. Он был великим воином, настоящим Ганнибалом, сыном Гамилькара! Он вел свои войска через Альпы, ледяной ветер жег его загорелое лицо, его боевые слоны гибли от холода, но его несломимая воля все сильнее пламенела от испытаний и его глаза сияли, как пожары двух городов. Он спускался в Италийские долины под ржание коней нумидийцев и мерный стон мечей, бьющихся о щиты. Так он рассказывал, клянусь болотом!

— Сны лучше жизни, — проговорил Гелий, как бы задавая тему элегантногo спора.

— Это более чем сны! — возразил врач, пристально глядя в его глаза. Затем, помолчав несколько секунд, он продолжал, все более увлекаясь.

— Когда говорят о гипнотизме, имеют обыкновение утверждать, что это воля гипнотизера вызывает в спящем все невероятные процессы транса и т. п. Конечно, воля здесь ни при чем. Я говорю спящему, что его тело бескровно и кровь перестает литься из его ран; я говорю, что его мышцы окаменели и слабый человек лежит на двух подпорках, касающихся его затылка и ступней, выдерживая неслыханный груз. Это всем известно. Гипнотизер не может подчинить чужой души, он лишь вызывает в ней какие-то неисследованные силы и она более или менее раскрывает их, не переставая быть загадкой, увлекая в свою таинственную бездну.

Он говорил еще довольно долго о той поэтической области, где Наука соприкасается с Неведомым. Гелий слушал,

полузакрыв глаза, курил и явно наслаждался необычностью положения по своей неисправимой привычке авантюриста и поэта. Наконец он прервал говорившего.

— Хорошо, доктор! Итак, ты хочешь усыпить меня и сделать только одно внушение: чтобы я вернулся в Страну Гонгури? Хорошо, я готов на какие угодно опыты! Я только думаю, что меня трудно загипнотизировать. Впрочем, когда я засну, ты можешь попытаться. Это, кажется, практикуется? Кстати, сегодня я спал не более пяти часов.

Врач кивнул головой, и так как проект был принят, предложил поужинать хлебом. Еда заставила их на время забыть о своих замечательных планах. Хлеба было мало: голод никогда не расстается с тюрьмой.

Внезапно коридор наполнился гиком и хохотом. Пьяная компания мчалась мимо. Нелепо взвизгнула частушка. Кто-то тяжелый остановился у камеры и в круглой дырке двери забегал мутный глаз.

— Не спишь, гада, — заорал голос, — завтра тебе крышка!

— Завтра, — прошептал Гелий, когда шум исчез на каменной лестнице.

— Гелий!

Он взглянул на побледневшее лицо, где воля не в силах была скрыть сердцебиения, и вдруг заговорил с пламенной твердостью.

— Несмотря на это, друг, жизнь или душа, не знаю как сказать лучше, бесконечно прекрасна! Что, в самом деле, дремлет в нас? И, как прекрасно, — ведь нет силы, способной изменить то, что для меня есть самый центр Я! Четыре года я знаю тебя, четыре года ты вечно возился с научными опытами и теперь здесь, лицом к лицу с палачами, ты остался все тем же изобретателем экспериментов, каким был. Да, можно забросить нас в хаос и зловоние китайских кварталов, можно нанять весь день грузить уголь, можно тело и сознание сделать черными, как он, от грязи и зноя, можно убить, но нельзя, невозможно заставить Гелия перестать быть Гелием. Если бы наши тюремщики могли почувствовать это, они сами повесились бы от своего ничто-

жества. Поэтому у меня нет других мыслей, кроме навеянных нашим разговором, Митч, ничего больше.

Он подошел к своей койке, сбросил сапоги, потом помедлил и закурил.

— Задуй лучше свечку, не будут заглядывать, — заметил он.

Врач погасил огонь. Лунный свет нарисовал на стене гигантскую решетку. Гелий отвернулся, закрываясь своей английской шинелью, снятой когда-то после боя, с мертвого врага.

— Итак, мы отправляемся в Страну Гонгури, — сказал он.

— Спокойной ночи, — ответил врач.

Скоро он услышал безмятежное дыхание спящего, привыкшего мгновенно засыпать в короткое время отдыха в грязи пристаней и вокзалов, в открытом море в бурю, в заставе перед тем, как идти в снега величайших равнин и стоять часами на грани двух борющихся миров и смерти.

Голубой свет падал на спокойное лицо Гелия. Врач смотрел на это лицо и мысли его кружились. Его лихорадило. Он бормотал бессвязно.

— Электроны света, мысль в его мозгу. Мир. Мозг. Непонятно.

Он с усилием встал, очнувшись, и осторожно взял руку Гелия.

— Ты спишь, — сказал он, — спи! Волны мрака укачивают, как море. — Он приступил к своим внушениям.

Наконец, грудь Гелия расширилась от сильного вздоха и черты лица оживились. Он бредил и жестикулировал. Потом его лицо внезапно побледнело и стало неподвижным, словно невидимая рука сдернула с него маску. Врач был очень удивлен.

— В сущности, все гипнотические состояния индивидуальны, — пробормотал он, прижимая пульс спящего, показавший резкое понижение жизнедеятельности.

Он молча созерцал нечеловечески спокойное лицо, освещенное слабым голубоватым светом. Такими обыкновен-

но изображают существа высочайшего типа. Он вспомнил, как то же выражение поразило его, когда он в первый раз встретил Гелия.

Врач эмигрировал сразу после 1905 года. Их было много — русских беглецов, уехавших искать свободу за Атлантик. Большинство из них очень скоро испытали эту свободу. Она превратила их в бродяг, в случайных рабочих физического труда, разбросала по всему свету. «Повезло» очень немногим, ему в том числе, благодаря его интернациональной профессии и подготовке. Он спокойно практиковал в Сан-Франциско, постепенно терял прежние знакомства, старел и не думал больше о борьбе. Его стали звать «М-р Митчель» и под этим именем он был известен даже русским эмигрантам, которым он помогал. Так продолжалось, пока не явился Гелий.

Он был художник по натуре, а его отец — токарь, в далекой провинции. В России этого достаточно, чтобы стать революционером. Затем пошло, как по нотам. Совсем молодым студентом Гелий был сослан в Сибирь. Беспокойный и жизнерадостный, он не долго выдержал ее огромное однообразие и, зная немного английский язык, сбежал в шумный Китай. Здесь началась его новая жизнь моряка и чернорабочего.

Он жил на пароходах и в доках, объехал все берега южных морей и его душа пропиталась их синей солью, густым ветром и золотым зноем. Иногда ему удавалось найти более легкую работу монтера или маляра, но скоро он сам возвращался к морю. Впечатления подавляли его и требовали воплощения. Он писал стихи в маленькой тетрадке, которую носил во внутреннем кармане своих единственных брюк. Этого было слишком мало, и, так как вокруг не было никого, кроме людей, занятых каторжным трудом, его творчество расцветало в грезах.

Однажды, после удачного заработка, во Фриско, Гелий наслаждался безделием и хорошим табаком в дешевой харчевне для матросов. Он мечтал. Он творил свои поэмы, не находившие другого сбыта, кроме его собственного воображения. Это было вдохновение. Он видел Страну Гонгури.

Опасная болезнь пациента привела «мистера Митчеля» в эти кварталы. Он зашел отдохнуть после работы в первую открытую дверь. Воздух внутри был похож на туман в бане; грязные сильные люди всех рас пили, кричали и бранились. И в центре всего этого он сразу заметил напряженное от потока мысли лицо, красивое и странное, с легкой улыбкой тайной радости! На первый взгляд оно принадлежало обыкновенному чернорабочему, допивавшему свое пиво за дальним столиком. Врач сел рядом. Молодой человек не двигался.

— Удивительно, — пробормотал наконец врач по-русски.

Юноша вздрогнул и, очнувшись, уставился на своего соседа.

— Вы. Вы, — начал он.

— Русский!

Через секунду они трясли друг другу руки.

Гелий настолько был восхищен встречей с человеком, который отчасти мог понять его, что они проговорили, пока к ним не подошел китайчонок, заявивший, что заведение закрывается. Эту ночь Гелий спал в квартире врача, но ему не спалось: постель была слишком мягкой, — «как женщина», говорил он.

С тех пор они не расставались. Врач скоро увидел беспомощность Гелия, вернее, презрение к помощи и его талантливость. Без особого труда он устроил его в одно русское издательство. Они вели деятельную жизнь. Война в Европе заставила их снова занять старые боевые позиции. Потом пришел бессмертный семнадцатый год, — февраль и октябрь. Газеты заполняли страницы событиями в России, ее ужасами и безумством, сквозь красный дым которых виднелся бледный, смертельный страх гибнувшей цивилизации, почуявшей победную поступь Нового Мира. «Чтобы строить, — надо разрушать», — ликовал Гелий, и однажды сказал твердо и безоговорочно: «Надо ехать!» Врач не хотел этого. Он хотел покоя; он был стар; но все-таки, в решительный момент согласился.

Они поступили переводчиками к группе секретарей УМСА, отправлявшихся в своей новенькой форме американских офицеров в северную Азию. Они ехали проповедовать идеи креста и красного треугольника с помощью какао, сигареток и молитвенников. В сущности, это были славные ребята, — обыкновенные путешественники от нечего делать, воспользовавшиеся богатым христианским союзом для своих целей. Все их христианство сводилось, по традиции, к совместным молитвам по воскресеньям, во время которых они зевали, рассказывали анекдоты и курили манильские сигары. Когда янки были достаточно близко от границ, занятых войсками Республики Советов, переводчики покинули их без предупреждения.

Они торопились, но огненная завеса уже разделяла Сибирь от России. Тогда Гелий первый бросился в хаос первоначальной власти. Случайность, полтора года юридического факультета, сделали его членом революционного трибунала. Очень скоро стало безнадежно ясно, что борьба в Сибири против экспедиционных войск всего света и предателей всех сортов, немыслима. Коммунистические отряды были разбиты и уходили в тайгу. С одним из них ушел Гелий. Врач плыл по течению.

Ему врезались в память эти дни. Полгода отряд метался по чудовищным лесам и деревьям. Зимой, в морозы, пред которыми градусы Фаренгейта из сказок Лондона — детская шутка, они ночевали у огромных костров под хвоей невероятных сосен. Иногда они вырывались в не менее чудовищные степи и крутящиеся саваны бурана, каждый день хоронили десятки людей. Было чудом, каким образом он, старый, изнеженный интеллигент, мог перенести все это. Он жил под шкурой медведя в своей санитарной повозке и бестрепетно ждал конца; но беспокойство мучило его, когда он вспоминал ремень винтовки, прилипший к плечу Гелия, как у всех рядовых бойцов. Наконец, в декабре, их окружили. Большинство было убито, часть погибла от пыток и несколько человек, по обычаю бандитских войн, были доставлены живьем. Потом тюрьма, мучительное следствие, смертный приговор для Гелия.

— О, что это было!

Врач вздрогнул. Он зажег спичку, чтобы закурить. Резкий свет упал на веки Гелия, он вздохнул несколько раз чуть заметно глубже, но не проснулся. Врач быстро погасил пламя.

— Что за удивительное несчастье, — пробормотал он.

Единственной его надеждой была миссия Соединенных Штатов, приехавшая в город. Он слышал фамилию Д. Мередит, — не тот ли Мередит, которого он лечил? Кроме того, говорили, что американцы, помогая излюбленному порядку паровозами и теплым бельем, бывали также в тюрьмах перед большими расстрелами, стыдясь финансируемого ими варварства, и, кажется, спасли кого-то.

— Они не посмеют убить поэта, — думал он. Вдруг ему показалось, что лицо Гелия стало еще поразительнее. Он взял руку спящего и с тех пор все время старался следить за его пульсом. Неожиданно отдаленная музыка наполнила камеру. Это был фонограф в квартире начальника тюрьмы. Кристаллический голос пел «Ave Maria».

— Как интересна жизнь и как скучна! — думал врач, глядя в гипнотизирующую одухотворенность лица Гелия. — Люди давно стали бы богами, если бы в них однажды вспыхнул огонь, пламенеющий в этом юноше. Ах, если бы хоть сон им приснился необыкновенный!

В его памяти звучали отрывки поэзии Гелия, самые мистические и пламенные, и он бормотал их вслух, не владея собой.

— «И все-таки я умираю в грезах,
И непонятный сон меня томит,
И мысль, как демон в сказочных наркозах,
В провалы неба без конца летит.
В тюрьме рожденный царственный орел,
Не зная воли, все ж к лучам стремится, —
Так дух предвидит некий ореол
И жаждет навсегда освободиться».

— Гелий! кто он? гений или каждый раз, когда я думал, что разгадал его, какой-нибудь поступок, фраза внезапно снова открывали мне алмазную стену его глаз. И мне всегда становилось немного страшно, когда я долго погружал мысль в его сознание. Точно огромный полет. Ах, разве есть понявший душу?!

— Разве есть понявший душу? — повторял он время от времени, сам почти загнипнотизированный мудрым спокойствием сна.

Вдруг он очнулся.

— Пульс!

Сердцебиение спящего замедлялось с такой угрожающей правильностью, что врач немедленно принялся будить Гелия. Неожиданно это оказалось очень трудным. Хорошо, что было немного водки. Гелий проснулся, т. е. открыл глаза; но он совершенно не отвечал на вопросы и смотрел с таким сумасшедшим удивлением, что врач невольно отступил в страхе, принявшись рассказывать, громко повторяя фразы, все происшедшее. Прием действительно подействовал. Скоро Гелий стал более внимателен к окружающему и нахмурился от воспоминаний. Врач зажег свечу и велел Гелию закурить. Привычные ощущения лучше всего повлияли на него. Он нерешительно встал и направился к обломку зеркала.

— Я не изменился? — сказал он.

— Нет, совсем мало.

— Я очень много пережил за это время.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — робко спросил врач, но Гелий только покачал головой.

Он сел на койку, опуская лицо в ладони.

— Что это было, что это было!

— Что, Гелий?

Настала тишина. Врач молча ждал исхода неведомых потрясений его друга. Что это могло быть? Далеко в городе ударил колокол. Гелий неожиданно выпрямился.

— Сколько времени? — быстро спросил он.

— Час.

— Час? Скоро рассвет!

Он глубоко вздохнул и с гигантским усилием воли продолжал очень спокойно, как будто говорили о деле.

— Последний рассвет. Поздно. Да, кто-нибудь должен знать! Садись, Митч, слушай, что это было. Я закрою глаза, чтобы лучше видеть. Слушай!

II.

— Сначала я спал, потом случилось нечто, чего нельзя забыть: моя жизнь в стройном порядке переживаний стремительно потекла назад к своему первоисточнику. Друг за другом возникали передо мной все более и более ранние картины моего пребывания здесь, словно тени фильма, разорванной и соединенной так, что последние сцены стали первыми и первые — последними. Промелькнули школьные годы, началось детство. Я читал давно забытые книги, уносившие меня на воды Амазонки и Ориноко, на таинственные острова и далекие планеты. Я помню себя совсем крошечным ребенком, влюбленным в нянины сказки, безумная фантазия которых так торжественно звучала в темной детской при свете зимних звезд; я внимал им и забывал себя. Потом я подошел к огромному дереву, несомненно из учебника Ветхого завета, и беседовал с Авраамом, и тогда, подобно смутному сну, во мне родилось воспоминание об этой жизни, хотя перед собой я видел только степь, но Авраам дал мне жемчужину величиной с голубиное яйцо и я улыбнулся, уверившись, что вспоминаю лишь грезы дневного сна. Я стал смотреть на тусклый свет дивного жемчуга и мое сознание постепенно погружалось в него, пока не наступил хаос.

Не знаю, как долго длилось беспамятство.

Гелий замолчал, сжимая ладонью веки. Он не в силах был справиться с цепью образов, окружавших его. Бешеная воля билась с их расстроенными полчищами, стремясь вернуть им порядок и красоту мысли. Сознание, что все эти невероятные грезы замкнуты в клетке его мозга, было чудовищно. Гелий трепетал. Наконец, он открыл глаза и продолжал с крайним напряжением.

— Я, Ризель, так меня звали раньше, я, Гелий, видел сегодня мир с непредставимой высоты. Я хочу тебе рассказать об этом. Я был Гелием и стал Ризелем, вернее, наоборот. Но это лишь теперь я помню последовательность ви-

дений, тогда же было совсем иное. Я стал вполне человеком другого мира, с другим прошлым, вне каких бы то ни было воспоминаний о жизни Гелия. Видимость реального ничем не отличалась от обычного состояния вещей. Мне было, приблизительно, 24 года, как теперь. Разумеется, это не значит, что моя жизнь длилась в течение 24 оборотов Земли вокруг Солнца — земные меры вообще неприменимы к Миру, где я назывался Риэль, но я все же буду употреблять их, потому что в данном случае кажущееся для нас важнее действительных соотношений. Впрочем, должен сказать, в моих воспоминаниях есть огромные пробелы: у меня сохранились, главным образом, зрительные впечатления и весь смысл этих впечатлений и смысл всех фраз и речей, так что я буду передавать их, как, если бы я помнил их дословно и как я привык писать и говорить вообще, но я совершенно забыл язык, на каком я говорил, — осталось только несколько собственных имен и больше ничего. Но это незначительная потеря, — я забыл великие знания, которые могли бы изменить все, но они исчезли, исчезли.

Гелий опять остановился, собирая образы. Врач пытался удобнее расположиться на покрытых овчиной досках.

— Итак, — снова заговорил Гелий, после задумчивой паузы, — я вернулся в Страну Гонгури 24-летним юношей и пробыл там не более 24-х часов. Таким образом, невозможно передать мои впечатления в порядке их последовательности, как невозможно путешественнику, вернувшемуся из неведомой страны передать свои приключения с последнего дня. Поэтому я расскажу вкратце о моей великой родине и моем прошлом, насколько это необходимо для понимания дальнейшего; остальное ты легко дополнишь своим воображением.

Был 1920 год после Революции. Я вспоминаю жизнь, в общих чертах удивительно сходную с жизнью на Земле, но достигшую иной, высшей степени развития. Я видел породы животных и растений, подобные земным: — бананы, хлебное дерево, персики, розы, — но они имели странные размеры, приносили гипертрофированные плоды, вообще были поразительно изменены многовековой культурой. Толь-

ко люди более всего походили на лучшие племена Земли; впрочем, я помню себя выше и прекраснее их, потому что у нас был теплый, неизменный климат и не было забот. Машины были совершенны, души людей еще более. От права власти — этого подобия кнута и других воспитательных атрибутов, от разных кровожадных чудовищ древности, почти ничего не осталось. Дети еще играли в государства и войны, но на самом деле преступление стало невозможным, как, ну, как съесть горсть пауков. Исключения подлежали ведению врачей.

Это схема жизни. И вместе с тем — это мечты. Ведь говорить о моей стране, значит мечтать. И там, в тех дворцах, полных кристаллического света, тоже пылали терновые розы трагедий духа. Их огонь убил меня, но, когда я вспоминаю о нем, я готов каждый день умирать в Стране Гонгури, чем жить здесь.

Гелий задумался чуть-чуть, взглянул в глубину ночи, как бы отыскивая слова для нереальных предметов, и продолжал более спокойно.

— Современное мне величие стало не только грезой со времени Онтэ, гениального генэрийца, за пятьсот лет до моей эры открывшего способ уничтожить зависимость от притяжения мировых тел. Тяжесть, наше проклятье, превратилось в чудесную силу. Огромные массы поднимались вверх и брошенные обратно, давили на гигантские рычаги, двигавшие бесконечные системы машин. — Мир — энергия, — она безгранична. Мы здесь, жалкие карлики, страдаем извечно от ее недостатка, но она всюду. И как мало, как мало нужно, чтобы покорить ее организующей силе духа, чтобы стать великим и свободным: только немного разума, немного коллективного разума!..

С тех пор, как Онтэ впервые подчинил воле человека всемирный поток тяготения, волшебная легкость стала основой нашего мира. Можно было изменять очертания материков, переносить и уничтожать горы. Еще Онтэ начал разработку плана всей Страны Гонгури. Это был очаровательный сад с преобладающими породами в разных климатах. На карту были нанесены пояса: какао, кофе, пшеница,

мед и т. д. Города представляли собой группы зданий, возвышавшихся из разноцветного ковра деревьев. Вернее, каждое здание было городом, населенным несколькими десятками тысяч людей, законченным в своей внутренней жизни и соединенным токами со всем миром. Один раз я видел постройку нового города — настоящий праздник творчества и великолепия! Город возник с изумительной быстротой, но потом, когда завершилась мысль инженеров, заснула энергия машин, на смену пришли художники, томимые своей вечной неудовлетворенностью. Ах, какое чудесное спокойствие овладевает мной при этих простых воспоминаниях! Словно полет ранним утром.

Мое время было эрой великих событий. Шестьдесят лет перед этим молодой ученый Везилет практически решил проблему полета в межпланетном пространстве. С ним было еще шесть человек и две женщины. Они отправились на планетку Санон, ближайшую к нам из внешних планет нашей системы. Шестьдесят лет о них не было никаких вестей и большинство было уверено в гибели Везилета, унесшего с собой тайну своего изобретения. Но вот, я был тогда школьником, в стране Талла, радио Лоз-Лэле, столицы Генэри, загремело тысячами рупоров и экранов, что Везилет вернулся.

— Что это за названия, Гелий? — тихо перебил его врач. — Ты не говорил. — Он внимательно слушал его бред, по временам делая короткие заметки в записной книжке.

Гелий кивнул головой.

— Да, Митч, это очень странно. В Стране Гонгури было два народа: Талла, населявший восточные материка, и Генэри. Я не ручаюсь за эти названия. Здесь не было, конечно, различия по национальностям, нет, такого свинства у нас уже не существовало. Здесь были разные цели, или идеалы, что-то в этом роде.

Я родился в стране Талла. Громадный, сильный народ. Это был ряд коммун, спокойных, счастливых, если счастье есть сознание совершенной удовлетворенности или возможности ее. Там не было ничего лишнего. Точная мысль определяла производство. Коллективное творчество пре-

обладало. Даже художники очень часто вместо подписи ставили знаки своих школ. Памятники воздвигались не людям, а событиям: «Победа над тяжестью», «Перевоплощение вещей» и т. п. Совсем другое — Генэри!

Первые впечатления, сохранившиеся в моей памяти, были впечатления полета, когда я впервые учился управлять миниатюрным аппаратом, состоявшим из пояса, уничтожавшего тяготение, и двигателя. Какое удивительное ощущение бесплотности, словно от наркоза, я испытывал поднимаясь все выше и выше вместе с другими крошечными существами! И всегда я стремился лететь скорее других, парить над другими, всегда был один, полный странного беспокойства. С детства я внимательно прислушивался к рассказам о генэрийцах, которых сдержанно не одобряли: их было в двадцать раз меньше, чем нас; у них был институт Ороэ и разные чудовищные вещи, даже то, что мы называли «деньги».

Мне было шестнадцать лет, когда вернулся Везилет. Ах, Митч, ты понимаешь, — у нас не было убийств, войн, дипломатических интриг, судебных процессов, — всей этой бедности и грязи, прямо пропорциональной безумию; что же удивительного, если мои страсти пламенели от громких имен и чистого героизма! По правилам нашей школы я уже мог жить в любом городе планеты. Я слышал, что Везилет снова подготовлял экспедицию на Санон. Мне было необходимо переговорить с ним. Я был так молод, что не верил в неудачу, в отказ.

Я улетел в безграничные просторы западного океана и мне так понравился совсем особенный воздух над его ширью, что я провел там весь день, радуясь прохладе прозрачных волн. Потом во мне с прежней силой возникла моя смутная жажда и я помчался к материку Генэри, когда западный горизонт приближался к солнцу. Раньше я не бывал в Лоэ-Лэле, вообще в Генэри. Конечно, я знал о них все, что говорилось в школе и книгах и тысячи раз видел на экране, но все же я был подавлен новью. Впервые я увидел лица, искаженные теми страшными пороками, от которых нас предостерегали, как от ада, и лица, сиявшие невероят-

ной красотой Гонгури. Я был захвачен и унесен чем-то высшим меня, в этой возбужденной чуждой толпе.

Лоэ-Лэле раскинулась на берегу залива теплых вод, на небольшом полуострове, прямым углом вдавшимся в море. Как раз в точке пересечения набережных, на огромном камне, стояла удивительная статуя легендарного юноши — бога. Его лицо было обращено к югу и его тело, отлитое из темного металла, казалось обожженным солнцем. Запрокинутая голова отклоняла корпус и левая рука защищала взор от невыносимого сияния, а правая была простерта над землей, как бы ища опоры; но все же его грудь расширял огненный восторг и нога твердо выдвигалась вперед к югу, к солнцу, туда, навстречу высшему влечению, нездешнему свету. Казалось, он отражал в себе невидимую душу гиганта города, — страсть непреложную, недостижимый дух.

Мне трудно говорить нашим грубым языком о красоте светозарной. Пусть каждый по-своему представляет совершенство. Кроме того, я проговорил бы до утра и до конца жизни, если бы стал изображать столицу Генэри. Я хочу рассказать совсем о другом, ужасном. Только два слова о Дворце Мечты. Нет, еще о садах! Земной рай бородатого Ягве был бездарной копией садов Лоэ-Лэле. Они окружали ее с трех сторон: с востока и севера, и на западе начинались почти от статуи на скале, простираясь по краю моря, отделенные от него широкой полосой пляжа. Гипертрофированные розовые кусты, странные декоративные растения, пальмы и бананы с листьями-гигантами, аллеи, вымощенные плитами темного топаза, удивительные фонтаны, каскады кристальной горной воды, открытые солнечные поляны, голубые, зеленые, красные, желтые, легкие невиданные постройки, обвитые вьющимися цветами, огромными, как луны, и всюду статуи (какие статуи!) генэрийских скульпторов. Я вспоминаю о всем этом, мой мозг едва выносит яркие феерические краски и, как общий фон, предо мной дрожит, словно дым фимиама, легкий влажный и теплый воздух, поднимающийся к небу. А вдали, сквозь листву и стволы виднеются великолепные гиганты Лоэ-Лэле, где как

быстрые парусные ялики в проливах между скал, мелькают белые и бледно-голубые туники, в рамке бездонной синевы и сверкающих граней камней. Здесь, в тюрьме, невольно ярче сознаешь, Митч: «счастье в полете». Ах, как бы отсюда вырваться! Ведь так мало, так мало нужно для счастья, — полет!..

На площади, у статуи юноши-бога, толпились, наполняя воздух и землю, тысячи генэрийцев. Десять сверкающих машин стояли у его ног; я сразу узнал их, вздрогнув: это были «победители пространства» Везилета.

— Где Везилет? — спросил я.

Трое обернулись и кто-то ответил пренебрежительно. На земном языке ответ звучал приблизительно так:

— Здесь не до мальчишек!

Я удивился, взял его за руку и крикнул, чтобы заглушить шум.

— Я хочу видеть!

Генэриец обернулся снова, тоже удивился и вдруг засмеялся мне в лицо. От него запахло мутным и перегорелым. Он сказал:

— Война!

Это было чудовищно. Гораздо хуже, чем где-нибудь на Бродвее сказать: «Пойдем, поджарим на завтрак негра».

Я сильно дернул моего собеседника, чтобы тот очнулся. Вероятно, я заразился общим смятением. Сильный толчок отбросил меня в сторону. Несколько человек подлетели к нам.

— Что это, перепились?

Внезапно раздалась победные клики, все сдвинулось, понеслось. Я взглянул: все десять машин поднялись и, равномерно ускоряя мощный полет, исчезли в небе. Я бросился вверх так высоко, что стал задыхаться. Мечты не сбылись — первый раз! — и как нелепо!

Красный диск солнца коснулся горизонта. Пылали фосфорические тона океанийских закатов. Я летел к северу, прочь от Лоэ-Лэле. В школе о ней говорили правду. Кровь и золото струились на землю, но в душе было темно. Вдруг огненный луч промчал тьму. Внизу подо мной шумел от

прибоя пустынный остров-скала и луч солнца отражался от полированного металла одиннадцатого аппарата, вдавленного в гальку берега. Я бросился туда, едва не разбился, — «Паон», прочел я блестящее название планеты, занимавшей по отношению к нам место Венеры системы Солнца.

Высокий старик смотрел на меня, улыбаясь.

— Кто вы? — спросил я. — Неужели вы отправляетесь на Паон?..

Вдруг я заметил, смутившись, не зная, как выразить мое безграничное уважение, черный жемчуг и Рубиновое Сердце — признак Ороэ.

Строй жизни Генэри в общих чертах совершенно такой же, как жизнь наших коммун, кое в чем отличался чрезвычайно. Идеи далекой Революции выковали эти страны из одного куска. Все необходимое производилось всеми и для всех. Механический прогресс давно уничтожил принудительный труд. Образование, материалы для творчества, пища, город, одежда были спаяны одним планом во всей Стране Гонгури, но остальное, что не было необходимо для жизни и развития народа, в коммунах Талла не производилось. В Генэри же на организме социальной спайки существовали диковинные наросты, производившие ненужные и явно вредные предметы, главным образом возбуждающие яды. Поэтому в Генэри, в этой не подчиненной контролю сфере, можно было встретить такие анахронизмы, как своеобразные денежные знаки, — алмазные диски с изображением фигуры Энергии. Их ценность была, конечно, условной, так как после открытия способа превращать друг в друга любые вещества, единственной мерой могла считаться только полезная энергия. Денежная единица равнялась определенному количеству радия, сущность которого, как известно, не вещество, а сила. Эти особенности влекли за собой особенности характера обоих народов. Кроме того, в Генэри сохранился какой-то призрак Центра. Гении Генэри составляли выборную ассоциацию, Ороэ, и в принципе были всемогущи. Каждая их мысль должна была осуществляться, хотя бы для этого потребовалось напряжение всех народных сил. Нечего говорить, конечно, что избран-

ники Генэри не могли иметь низких и нелепых побуждений. Интересно отметить, что при выборе новых членов Ороэ предпочтение отдавалось молодежи. Признаться, тайком я часто мечтал о рубиновом сердце.

— Мое имя Везилет, — ответил улыбающийся старик.

— Так вы не улетели вместе с ними, там, в Лоэ-Лэле!

— А кто ты, милый мальчик? — спросил он.

— Я Риэль.

К нам подошли еще двое: гигант лет сорока с бронзовой кожей и черным атаквистическим пушком на подбородке и молодая женщина с такими ясными и одухотворенными глазами, что казалась совсем нездешней.

— Вот мои спутники, — сказал Везилет. — Марг и Нолла.

Я обрадовался, — я знал ее поэмы; она должна была понять меня. Я сказал, что я школьник, что в стране Талла скучно, что теперь все мои грезы в чудовищном мире Паона. Вероятно, это было очень трогательно. Нолла засмеялась и неожиданно сказала, обращаясь к Везилету:

— Может быть, мы возьмем его?

Наступила неловкая минута.

— Да, после ваших слов ему трудно отказать, — сухо сказал Везилет.

— Он сам откажется, — с усмешкою ответил Марг, и грубо схватив меня, повел за собой.

Говорили, что генэрийцы слабы, а этот был огромен и силен, как зверь; я даже невольно боялся его. Он действительно казался выходцем из другого мира.

— Ты думаешь, — говорил он, — что в первобытных делях, где без числа всякой летающей и ползающей дряни, где через три луны лед сковывает воду, можно прыгать в одной твоей тонкой рубашонке? Смотри!

Он вынул шерстяное белье, кожаные сапоги, меховую куртку, шапку и насильно напялил на меня все эти принадлежности смелых пионеров. Я не мог шевельнуться, подавленный страшно неприятными ощущениями, словно кролик, положенный на спину и таким образом загипнотизи-

рованный необычайностью положения. Кругом меня был сплошной муравейник. Марг хохотал. Тогда, до последних пределов напрягая волю, я прошелся по металлическому полу и заговорил, улыбаясь:

— Великолепно! Я буду вам чрезвычайно полезен. Я силен и могу носить тяжести. Я могу также исполнять разные мелочи, которые будут отнимать у вас много времени. Кроме того, я хорошо знаю машины.

Марг стал серьезен. Он резко согнул мне руку в локте, пощупал мускулы, потом повернулся и крикнул Везилету:

— Эти таллийцы крепкий народ; я возьму его.

В небе сиял огромный Паон — бог страсти. Мечты сбывались.

— Ты должен работать, — прибавил Марг, поворачиваясь ко мне. — Иначе, я тебя выброшу. Идем!

Я послушно и с увлечением стал ему помогать.

Скоро двойная металлическая дверь «Паона» закрылась и Везилет, погруженный в тайные думы, молча нажал какой-то рычаг. Мы испытали знакомое замирание сердца от слишком быстрого подъема. Было торжественно, как в храме. Марг ушел управлять кораблем. В той пустоте, куда мы поднимались, единственными врагами людей были метеориты, блуждающие обломки миров; но мы владели особыми приборами, отмечавшими их приближение, что давало возможность избежать убийственной встречи с этими своеобразными рифами межпланетных пространств. Нолла смотрела в нижнее окно. Везилет заперся в своей комнате и рассказывал что-то, почти шепотом, машинке, записывающей речь. Никто на меня не обращал внимания. Я последовал примеру Ноллы.

Предо мной расстился громадный амфитеатр нашей планеты. Сотни раз с той же высоты я видел на экране очертания знакомых земель, и все же их чрезмерная реальность казалась фантастичной. Контуров материков поражали размерами, облака — вечной изменчивостью, краски — странными сверкающими тонами. Мое сердце переполнялось. Я надолго забылся в экстазе созерцания.

«Мир исчезал, но мы летели дальше.
И сердце не хотело возвращенья», —

как смутное эхо вспоминаются мне стихи Ноллы. Ах, она действительно не вернулась!

Впечатления этого путешествия повлияли на меня необычайно. Я впервые встал лицом к лицу с безграничным миром и научился противопоставлять себя ему. Я увидел, как бесконечно разнообразна жизнь и взял первые уроки борьбы за существование вдали от чудесных городов моей страны. Неведомых, неосознанных влияний было, конечно, еще больше. Поэтому, на несколько минут умчимся вместе на планету Паон.

На следующий день едва не случилось катастрофы. Томимый непривычным бездействием, я стал разбирать незнакомый прибор, прикрепленный к внешней стене «Паона». Вдруг загудел шторм, хлопнула дверь и сразу стало холодно. Я не растерялся и успел закрыть отверстие, но все же едва не задохнулся. Нолла застала меня с посиневшим лицом и со слезами стыда за мой некрасивый поступок. Она ограничилась одним взглядом и все происшествие осталось между нами; но я подумал, что, если бы вместо нее был Марг, он в самом деле выбросил бы меня с нечистотами. Грубость Марга я сначала отнес на счет Генэри, однако Нолла была совсем другой! Однажды я заговорил о нем.

— Он был начальником войск, — ответила Нолла.

Это был такой вздор, что я потребовал подробных объяснений.

В однообразные часы, среди бесконечной пустыни Мира, далеко от ее оазисов, освещенные ослепительными лучами солнца, неизменно лившимися с одной стороны, тогда как в другие окна были видны лишенные своего ореола разноцветные звезды, мы вели нескончаемые разговоры, стараясь не двигаться, так как всякий легкий толчок перебрасывал наши потерявшие вес тела к противоположной стороне комнаты. Я полюбил то особенное сияние мысли, каким Нолла озарила жизнь. Я любил спорить с ней на тему о преимуществах моего великого народа. Как все слыш-

ком юные души, я был заражен еще чем-то, вроде слабого отголоска патриотизма диких времен. Впрочем, часто я спорил больше от желания слушать певучий голос Ноллы.

Глядя на тончайшую резьбу алмазных дисков, я говорил, повторяя школьные истины.

— Из-за вашей свободы, как бы она ни была прекрасна, генэрийцы гораздо чаще переселяются к нам, чем наоборот, а эмигранты из Талла — всегда самые беспокойные люди. Из-за этого и большей смертности вы сравнительно малочисленны. У вас бывают самоубийства, появляются новые странные болезни, жалкие «пророки» уходят с кучками поклонников в самые пустынные места планеты, художники, вместо того, чтобы украшать города, высекают статуи и строят храмы на вершинах гор.

Удивительнее всего была история Лонуола. С этим громким именем сплелись какие-то очаровательные тайны. Ученый и поэт, он был одним из величайших людей моего времени. В его реторте, впервые после неведомого дня возникновения жизни, зашевелилась протоплазма, созданная из мертвого вещества. «Настанет день, — говорил в стихах Лонуол, — когда человек будет питаться мыслями и рождаться от платонической любви». Вдруг он предался изумительным фантазиям. Он отказался от избрания Ороэ, чего никогда не случалось прежде, построил недалеко от столицы Генэри, на скалистом мысе западного побережья, чудесный дворец, но не включил его в общую городскую сеть, и с тех пор постоянно жил там, подобно легендарному повелителю, окруженный необычайными обрядами и почестями. Все это казалось вымыслом, даже сном. В стране Талла избегали говорить о Лонуоле.

— Вы плохо кончите! — заключал я.

— Да, — улыбаясь соглашалась Нолла. — Вы многочисленнее, здоровее, счастливее и... бездарнее. Кто был Онтэ? — первый генэриец; кто Везилет?.. Да, Генэри привлекает души, затемненные страстями, и многие гибнут, предоставленные самим себе, но в этом и есть те волшебные поэмы борьбы, откуда выходят победители.

И она рассказала мне одну из них, превосходившую все, что я мог представить себе раньше.

III.

Везилету было девятнадцать лет, когда он в первый раз покинул Страну Гонгури. Его спутники тоже были очень молоды. Их предприятие не подтверждалось опытом. В то время еще нельзя было концентрировать достаточного запаса энергии в нескольких кубических метрах, но Везилету было девятнадцать лет. Не уверенный в успехе, он не опубликовал своего открытия, хотя это вызвало возмущение. Последними его словами, насколько я помню, был такой ответ Ороэ:

«Мысль не поэма, не пропадет».

Гелий замолчал, отвлеченный внезапным порывом.

— Мысль не поэма, — повторил он. — Ведь это правда, Митч! Мысль неизбежна вроде кори: рано или поздно, а придет человечеству. Если бы не было Ньютона, его законы открыл бы другой; но никто, никогда не окончит «Египетские Ночи». Ах, поймут ли это когда-нибудь на Земле!? У меня была записная книжка, куда я заносил только самое прекрасное во время жизни на океане. Часть я переписал потом, на память, — все что ты читал; но наиболее значительной поэмы «Империализм Солнца» я не мог переписать. Когда мы были в Саянах, был большой недостаток бумаги для махорки. Солдаты сначала искурили мой томик Шекспира, потом принялись за рукопись. Тогда было все равно: как можно было отказать?

Гелий невольно вспомнил пережитые чудовищные походы, снега и страдания и на его лице загорелся гнев, сменившийся спокойным презрением. Он закрыл глаза и продолжал.

— Первые радиоактивные двигатели были слабы и прошло более года, прежде чем генэрийцы вышли на поверхность Санона. Они были голодны; у них не было радия и они не могли вернуться обратно. Чтобы вернуться, надо было выстроить прежде целый город с огромными машинами и очагами силы. Другого выхода не было. И они при-

няли вызов, но что могли сделать шесть человек на планете в полтора раза превосходившей мир Гонгури? Обе женщины умерли в пути; один из генэрийцев погиб от змеиного яда. Вокруг, с одной стороны, расстилалась огромная равнина, покрытая красноватой травой в рост человека, наполненной бесчисленными существами, с другой, за небольшой речкой, начинался лес и вдали снежные непроходимые горы. Это была экваториальная полоса с ровным и теплым климатом. Они построили дом из обожженной глины и посеяли хлеб. Первая жатва была превосходной. Тогда Везилет начал поиски неведомого случая.

Однажды их глиняный дом окружило стадо обезьян. При появлении генэрийцев они разбежались, но в сознании Везилета уже мерцал план возможного освобождения. И, действительно, через год в плодородной долине, немного севернее экваториальной полосы, генэрийцы встретили становище неведомого племени темнокожих. Они знали богов, огонь и оружие. Новые белые боги взяли их детей и много молодых женщин, а мужчин заставили строить глиняные дома. Женщины рожали странную расу полубогов — ни белых, ни темных. По мере того, как они росли и учились говорить на непонятном языке, белые требовали все новых и новых жертв. Тогда старые люди собрали совет и решили обмануть чудесных выходцев неба. В одну ночь они снялись и ушли в дебри со всеми людьми, но на следующий же день они поняли безумие сопротивления. Блестящий предмет, огромное медведя, упал на них сверху и разгневанные повелители очутились среди беглецов. С помощью чудес и смерти они подчинили дикарей и вернули их в прежний плен.

Через тридцать лет в глиняном городе Везилета было более 300 человек, говоривших на языке Гонгури, и еще больше детей, учившихся в настоящей школе. Доменная печь озарила заревом заросли Санона и жидкий металл послушно стал принимать формы железных членов машин. Приближался день, когда старые конденсаторы первого «победителя пространства» должны были снова напол-

ниться энергией, но неожиданная опасность отдалила этот момент еще на много лет.

Среди всех обитателей Санона, взятых в город, самым способным был Умго. В течение двадцати лет он многому научился и, главное, первый понял, что белые люди не боги. Он знал, что, если ударить белого дубиной, он умрет даже скорее, чем зверь. Этого нельзя было сделать только потому, что другой белый тотчас же направит на него смертельный огонь из трубки, которую они всегда держат рукой в кармане. Он инстинктивно ненавидел победителей. Поступки белых он мог истолковывать лишь с точки зрения охотника. Он слышал кое-что о Стране Гонгури, но так как он был только парой рабочих рук, никто не стремился объяснить ему, в чем заключаются великие замыслы генэрийцев; да и времени для этого не было. Зато он глубоко понимал жалобные крики самки, у которой отнимают ребенка. Его мысль была медленна и упорна. И вот однажды он исчез из города вместе с дюжиной других обученных дикарей. На этот раз их нельзя было найти, но через два месяца они появились вместе с тысячами коричневых воинов соседних станований. Умго научил часть из них употреблять лук и деревянные стрелы, чтобы убивать невидимым из-за угла. Вокруг него объединились все ограбленные племена. Первыми погибли рабочие, копавшие руду в горах над городом. Это был опьяняющий успех и прежде чем генэрийцы освоились с положением, мстительные толпы Умго напали на город. Они окружили школу и перебили полубелых детей. Женщины сбежали на их крик и потерялись в толпе. Потом они ворвались в дома и мастерские, разрушив все, что попало в их гнев. Когда генэрийцы сумели организованно пустить в ход оружие и, навалив груды трупов, прогнали дикарей, половина всего многолетнего труда была уничтожена или обесценена.

Умго не был убит, один из всех он не был испуган разгромом, — он только изменил тактику. С тех пор заросли стали непроходимы. Из каждого куста могла взвиться стрела и убить. При таких условиях работа развивалась страш-

но медленно. Пришлось строить укрепления и ввести боевые отряды для походов за рудой и охраны. Надежда на то, что дикари уйдут, не осуществилась: они были злы и упрямы, как настоящие люди.

Война длилась восемь лет, прежде чем был закончен новый межпланетный двигатель, и казалась настолько опасной, что Везилет взял с собой только одного Марга. Когда же он вернулся в Лоэ-Лэле, он прежде всего собрал несколько сотен молодых генэрийцев, чтобы пополнить светлокожей расой и могучим оружием поредевшие ряды колонии Санона.

Нолла рассказала мне все это очень схематично и кратко, почти так, как передал я, но ее минутная повесть разбудила во мне тысячелетия.

— Так вот почему пьяный генэриец крикнул мне в саду Лоэ-Лэле противоестественное слово: «Война!» Вот почему у Марга такое темное лицо и глаза слишком далеко расставлены друг от друга.

Внезапно я спросил:

— А что, те новые генэрийцы, которые отправились на помощь, тоже будут насиловать женщин и отнимать их детей?

— Ты думал, — ответила Нолла, — что жизнь это только то, о чем говорят в школе? Милый Риэль! Если бы это было так!

Обрывки мыслей и образов, какие бросала мне Нолла, перевернули все мои прежние представления о Мире. Он оказался чудовищным, безмерно разнообразным и грозным. Случилось так, что в тот же день среди вещей Ноллы я нашел изумительный портрет молодой девушки. Ее лицо сияло невероятной страстью, но глаза казались такими далекими и полными мысли, что было неопровержимо, — только подвиг высшего существа мог бы разбудить этот огонь! Вот для чего стоило жить! Я смотрел на нее и мое сознание переполнялось. Умго, с лицом Марга, раздвигал гигантские папоротники, бесшумно, как рысь. Везилет — гений и убийца, обдумывал план глиняного города. Улица Лоэ-Лэле полная шума и удивительных криков. Внизу за

деньги покупают вино и душистый дым цветов Аоа. И над всем этим миром такая девушка!

— Кто это? — спросил я, плохо сдерживая свое волнение.

— Это Гонгури, — ответила Нолла, с любовью глядя на портрет. — Скоро она будет избрана Ороэ.

С тех пор я твердо решил навсегда оставить спокойную мудрость Талла ради безумных опасностей того чудесного Мира, который начинал открываться предо мной.

— Окончи вперед свою школу, Риэль, — сказала Нолла, угадывая мои мысли.

После этого мы подружились еще больше.

На шестой день наш блестящий корабль стал приближаться к поверхности планеты Паон. С непривычной быстротой, усиленное постепенным замедлением скорости полета, стало возрастать ощущение веса, делавшееся все более и более неприятным. Я лежал, прильнув к нижнему окну, и смотрел на растущий диск гигантского мира. Чудовищные океаны занимали большую часть его поверхности, они были беспокойны, разных оттенков от грязно-бурого до темно-синего и на полюсах покрыты огромными шапками льда и снега. Кое-где из этой массы воды торчали темные глыбы суши. Половину видимого пространства занимала однообразная серая пелена туч. Постепенно она стала закрывать все поле зрения и, наконец, мы погрузились в нее бесшумно, как в тончайший пух. Вдруг предо мной раскрылась панорама страны — дикая и величественная: безграничный лес, лесом покрытые горы и в центре свинцово-мутная река — широкая, как море.

— Марг, Везилет, Нолла! — закричал я, с трудом поднимаясь и в то же время внезапный толчок бросил меня обратно, к окну, закрытому неведомой почвой.

— Проклятая тяжесть!

Марг толкнул меня ногой и крикнул: «Вставай!». Сгибаясь под ношей своего огромного тела, он подошел к стене и осторожно открыл тот самый клапан, который едва не погубил меня. Более плотный внешний воздух ворвался к

нам, словно порыв бури, неся в себе клубы холодной влаги. Марг вдохнул его несколько раз огромными глотками.

— Безвредный газ, — сказал он.

Давление неприятно усилилось, но заметное увеличение кислорода возбудило нас, как вино. Когда я открыл дверь, мне показалось, что в комнату хлынула вода из горного источника: я никогда еще не испытывал такого холода.

— Одевайся, — приказал Марг.

Мы надели свои необыкновенные походные костюмы и вышли наружу. В нескольких шагах бурлила, подмывая глинистый обрыв, вздущаяся река. «Паон» стоял в зарослях высоких, чахлах, почерневших от непогоды трав на небольшой поляне, ограниченной рекой и лесом огромных деревьев с невиданно темной листвой. Дул резкий холодный ветер, доносивший откуда-то редкие капли дождя и брызги волн.

— Великолепно! — сказала Нолла. Марг спорил о чем-то с Везилетом.

— Что же, в сущности говоря, им здесь надо? — обратился я к Нолле.

Она ответила в двух словах, что Везилет изучал развитие жизни и намеревался сравнить живых чудовищ Паона с ископаемыми нашей планеты, Марг — его сын, а она решила «просто отдохнуть».

Пара гигантских птиц, шумно рассекая воздух, пролетела над нами, но мы, конечно, не могли воспользоваться обыкновенными летательными аппаратами, веся за троих.

— Идем, — сказал Марг, направляясь к лесу.

— Великолепно! — повторила Нолла, — передвижение в диком мире должно совершаться диким способом. Идем!

С собой мы взяли только кое-какие приборы и оружие. Я шел, держа Ноллу за руку.

Старый лес Паона сразу очаровал нас. Мы переживали множество странно новых впечатлений, так знакомых нам теперь, на Земле, после долгих дней сибирской тайги. Волшебный лес был наполнен голосами удивительных существ, то бледных, выцветших, в неизменной тени совершенно голых слизняков, ужасных карликов, погружавших в наши

глаза свой немигающий взор и неуклюже отступавших в мокрые норы, то быстрых зверьков и птиц цвета листвы, мха, коры деревьев и почвы. Лес постепенно поднимался в горы, идти было очень тяжело, земля, покрытая скользкой хвоей и хворостом, казалось, удерживала нас на каждом шагу, словно влюбленная, но мы все же шли и шли вперед, вероятно, несколько заразившись окружающей нас бессознательной деятельной жизнью. Марг и Везилет занялись своей наукой.

— Как много радости в простом физическом труде, — говорила Нолла, задыхаясь. Я наслаждался элементарной силой моего молодого тела и сердца. Приближался вечер.

Внезапный сильный рев, пробудивший во мне бесконечно далекие бездны, раздался где-то совсем близко. Косматый хищник нерешительно приближался к нам, видимо, удивленный странными посетителями его владений. Марг и Везилет занялись фотокамерой, спокойно, словно они были в зверинце. Зверь постепенно смелел, подходил ближе, все скорее и, вдруг испустив торжествующий вопль, встал на задние лапы. Я взглянул на безоружную Ноллу и через миг огромное животное, охваченное страшным током, превратилось в безобразный труп.

— Можно было бы еще подождать, — сказал Марг с холодным неодобрением.

Неожиданно, как все перемены на Паоне, густая тень закрыла редкие просветы неба. Буря закачала вершины и вдруг сверхъестественный ливень ринулся вниз по шумной листве, подобно водопаду. Тысячелетние деревья гудели в вышине и трещали, наполняя мир музыкой хаоса. Мы пошли обратно, как могли, скорее, т. е. вовсе не скоро, не смея повторить вслух возникавших у нас опасений. Но вот, сквозь деревья, пред нами мелькнула поверхность реки.

— Паон! — закричал я, окаменев.

Марг ругался.

«Паон» плыл по середине реки, качаясь на огромных волнах. Мы побежали вслед за быстрым течением, отчаянными усилиями волооча свои тела, скованные притяжением громадной массы Паона, в то время, как с необыкновенной

скоростью гас его короткий день. Наконец, когда светлый диск солнца бухнулся за горизонт, Везилет промолвил хрипло: «Бесполезно». Он остановился, остановилась и Нолла, сосредоточив все свое великое сознание на одном усилии: не упасть. Мои глаза наполнились слезами от досады и жалости.

— Я пойду один, — сказал я.

— Бесполезно, — повторил Везилет, — наступает ночь.

Светящаяся пыль золотых солнечных лучей рассеивалась так быстро, словно на небо целыми океанами лилась тьма межзвездных пустынь. «Паон», сверкая кровавыми отблесками, отодвигался все дальше и также кивал нам из бурного холодного центра почти совершенно прямой реки. На востоке появлялись первые звезды и вместе с ними ветер донес тающие хлопья снега. Надежды, действительно, не было.

— Мы погибнем, — спокойно сказала Нолла, невольно очарованная необычайной скоростью бесшумного шествия мрака.

В ответ, так же спокойно, и, мне показалось, насмешливо, Марг пробормотал на своем удивительном жаргоне что-то вроде: «С какой стати?» или «Ничего подобного».

— Придется зимовать здесь, — прибавил он, обращаясь к Везилету.

— У нас нет пищи, — прервала его Нолла. Марг снисходительно засмеялся.

— Конечно, — сказал он, — вы привыкли к разным фруктам, приготовленным в цветочном масле, к смеси сахара и меда и тончайших жиров, к бесчисленным сортам хлеба и напитков, но здесь нам придется есть звериное мясо и пить воду.

Нолла вздрогнула. Я сказал, что это невозможно. Марг смеялся. Тогда в первый раз я почувствовал, что этот грубый человек превосходил меня не только одной своей физической силой.

Настала ночь. Мы, привыкшие к одиночеству людей высокого социального строя, легли вместе, как маленькое стадо дикарей у дымящегося костра. Марг объявил, что мы

вдвоем должны будем по очереди не спать и «сторожить». Я с трудом уяснил себе значение этого слова. Первая половина ночи досталась мне. Сначала я отдался грезам, глядя на раскаленные угли костра, но потом жажда деятельности, вечно жившая во мне, взяла верх и я принялся за подробный осмотр оставшихся у нас предметов. Электрической энергии, сконцентрированной в нашем оружии, было достаточно: три хороших ножа, приборы Везилета и Марга едва ли на что-нибудь годятся, — впрочем, в металлических сумках для гербария можно кипятить воду; кроме того, нашелся кусок платиновой проволоки. Я пропустил через нее сильный ток, раскаливший ее добела; мне пришлось в голову, что таким образом можно резать дерево.

Иногда звериный вой раздавался слишком близко, и тогда я убивал хищников, пока они не прониклись страхом к пришельцам высшего мира и не ушли совсем. И всю ночь в лесу был слышен непонятный треск и гул, словно там гулял пьяный языческий бог.

Когда стало светать, я разбудил Марга и похвастался ему моим опытом с платиновой проволокой. Он заинтересовался гораздо больше, чем я думал.

— Черт! — сказал он, блестя глазами, — мы не напрасно взяли тебя, Ризель.

Этот комплимент был для меня дороже всех, когда-либо мной полученных.

Шел снег, покрывавший берега ослепительной тканью; в их широких белых рамках река казалась еще более хмурой. «Паон» исчез, но я был спокоен, почти счастлив. Рядом со мной лежал Марг, раздувая угли мехами своих легких; было так надежно положиться на его силу. Я уткнулся лицом в шапку Ноллы и мгновенно утонул в мягком пухе сна. Нолла разбудила меня поцелуем: ей показалось, что я сплю слишком долго.

Я молча кивнул на трупы животных, мы без слов поняли друг друга и она крепко пожала мне руку, глядя одним из тех ясных взоров, от которых весь мир становится ясным.

Марг уже стряпал что-то из мяса больших белых птиц. Кипела вода, распространяя теплый пар. Мы отвернулись. Заметив это, Марг подал нам гнездо какого-то зверька, полное мелких орехов.

— Вот, ешьте, пока не очень проголодались, — сказал он со своей обычной снисходительной улыбкой.

Орехи были очень вкусны.

В тот же день мы смастерили замечательный дом, имевший четыре стены, пологую крышу, дверь и окно. На другой день прибавилась печь и обстановка из чурбаков.

Мясо, шкуры, огонь и дерево — что еще надо человеку? Мы не могли погибнуть, но мы не могли, бездействуя, ждать конца зимы.

Марг задумал сначала построить плот, чтобы спуститься вниз по реке в поисках «Паона», но вдруг бросил работу. Вереница покрытых снегом льдин плыла по течению, подобно белой разведке вражьих сил, притаившихся где-то у холодных истоков реки. Я не сразу понял опасность.

— Увидишь ночью, — буркнул Марг.

В то время, как мы спокойно спали в нашем новом теплом жилье, снежный ураган, вырвавшийся из полярных пустынь, загромоздил реку плавучим льдом. Утром я нашел наши бревна, с таким трудом спущенные в воду, исковерканными и наполовину выброшенными на берег. Приходилось искать другой выход.

Я не буду говорить, какой драгоценностью оказались археологические сведения Везилета, о том, как мы сделали и научились пользоваться странными предметами, называвшимися «лыжи», не буду говорить о борьбе с холодом, снегом и бурей; здесь на Земле все это старо, как человечество. Вот одна картина, встающая предо мной.

А-а! Я когда-нибудь не вынесу всей бесконечности образов, мчавшихся в моем сознании.

Мы скользим вдоль берега по льду, мечтая о «Паоне», где нас ждет тепло, комфорт, — множество всяких незначительных предметов, ставших сказочно прекрасными. Мы больше недели не мылись, не переменили платья. Наши

лица приобрели странный некрасивый цвет от мороза. Нолла хворает. В ее горле какой-то белый налет, ей больно глотать и она почти ничего не ест. Ее знобит. Все же она идет с нами, держась за меня и Марга. Мы не можем оставить ее с Везилетом, чтобы бежать скорее, потому что мир наполняется все новыми и новыми угрозами. Стадо косматых четвероруких с изумительной легкостью следует за нами по деревьям, переключаясь однообразными звуками. Мы убиваем наиболее смелых, трупы отмечают наш путь, но остальные не отстают.

— «Черт, черт», — бормочет Марг, — «это будущие Умго, будущие Умго». Хуже всего, что он тоже безусловно болен, только не подает вида и молчит. На ночь мы располагаемся у костра под открытым звездным небом и прямо перед нами сияет, как сон или чудо, зеленая звезда Гонгури. Огонь пугает наших врагов, но вот, лишь только утренний свет начинает побеждать желтое пламя дерева, они окружают нас и ведут правильную массовую атаку. Марг, оскалив зубы, рычит: «Умго! Умго!» Они для нас не страшны, но вдруг один, особенно сильный урод, делает сверхъестественный прыжок и легко, как ребенка, подхватывает Ноллу. Его нельзя убить, так как молния уничтожит вместе с ним тело Ноллы. И вот — новая сцена забытых времен: дикая погоня, соперничество напряженных мышц, борьба, где ставкой является человеческая жизнь.

Сперва Везилет, потом Марг отставали от меня, не выдерживая бешеной скорости, но я не уступал. Зверь был вдесятеро сильнее, но мне было легче двигаться на моих примитивных лыжах и меня не стесняла ноша. Иногда расстояние между нами сокращалось, но вдруг он поворачивал ко мне свою злую морду с раскрытой от бурного дыхания пастью и прибавлял ходу. Я не уступал. Мой дух весь ушел в однообразный ритм движения, в первобытный ритм равномерного отчаянного напряжения мускулов. Кажется, за все это долгое время только одна медленная, чуждая мне мысль, проползла в моем мозгу:

— Если всякая дрянь может убить Ноллу, — мир никуда не годится.

Вдруг я заметил, что проклятая обезьяна начинает как-то странно нюхать воздух и беспокойно метаться в стороны. Потом я услышал впереди нас тот характерный треск, причину которого я тщетно старался постигнуть в первую ночь нашего пребывания на Паоне. Зверь остановился и я схватил его за длинную шерсть. Он зарычал и легко отбросил меня свободной рукой, но я успел ударить его ножом. Кровавый гнев вспыхнул в узеньких глазках моего врага; он оставил Ноллу и схватил меня своей страшной лапой. Все остальное в этом акте произошло чудовищно быстро и невольно. Из всех сил я ударил зверя около кисти; он сразу вырвал мой нож, но все же отпустил меня. И вот было такое мгновение, я поднял свой генэрийский жезл, а он взмахнул моим клинком. Чье движение закончится раньше?.. Но я был Риэлем, человеком великого мира и не мог не победить: электрический ток мгновеннее какого угодно сокращения мышц.

Я упал ничком рядом с Ноллой и, теряя сознание от усталости, старался привести ее в чувство. Станный треск повторился где-то совсем близко. Левиафан или демон стоял надо мной, как живая гора, клубившаяся паром. От его дыхания поднималась метель, сбросившая с меня шапку. Я видел, что пещеристые ноздри и мокрые клыки гада падают, приближаются к нам. Какие глаза, о! Я дрожал и, почти парализованный, последней силой воли направил в ненавистную массу испепеляющий заряд и чудовище с жалобным оглушительным ревом ринулось в лес и скрылось вмиг с громоподобным шумом, как нечистый дух. Мы очутились в центре урагана, произведенного движением его чудовищного тела. Я был заброшен в глубокий снег, едва не задохнулся, а когда я подполз к Нолле, то увидел, что из ее полураскрытого рта течет тонкая струйка крови. Нолла умирала, и мне казалось, что вместе с ней умру я. Нас соединяла такая удивительная дружба, скрепленная совсем особенными связями общего крова, общих невзгод, опасностей, страданий и помощи. На минуту она очнулась и улыбнулась, пытаясь подняться. Она по обыкновению скрыла боль и прошептала:

— Не плачь, Риэль. До свидания, Риэль. Живи, как можно лучше.

Это были ее последние слова.

Я видел смерть человека, раздавленного бездушной массой. Воистину я был несчастнейшим из людей прекрасной Страны Гонгури! Впоследствии мне одному пришлось увидеть множество смертей и убийств и эти впечатления выпили своими красными жадными губами мою прирожденную жизнерадостность. Поэтому я здесь, поэтому я покинул Страну Гонгури, о которой с тоской вспоминаю теперь.

Гелий прервал свой рассказ. Со странным смущением он посмотрел во тьму решетки и на лицо своего молчаливого слушателя, провел рукой по нарам, чтобы вернуть немного ощущение реальности и продолжал, помолчав:

— Не помню, как долго я лежал без движения, созерцая драгоценный труп: может быть час, а, может быть, пять часов. Потом во мне возникла страшная злоба. Я поднял Ноллу и медленно пошел обратно, убивая по пути все живое. И только взглянув на мудрое, беспредельно спокойное лицо моего мертвого спутника, я бросил оружие. Скорбь и внезапное безучастие отняли у меня силы. Не замечая, я долго шел с непокрытой головой, пока не догадался надеть шапку Ноллы. Ветер тихо перебирал золотые волосы. Меркнул день.

Только поздно вечером я нашел дымный огонь Везилета и Марга. Что было нам говорить?.. Мы не могли похоронить Ноллу так, как она хотела и как хоронили всех поэтов, т. е. отправить ее труп в прозрачном гробу, освобожденном от сил мирового тяготения, в беспредельность звездных пространств и нам пришлось сжечь ее прекрасное тело на большом костре. Пахло горелым мясом. Марг бредил. О поисках «Паона» мы больше не говорили. Я кое-как устроил шалаш из коры и сучьев, в первую же ночь его наполовину занесло снегом. И в этой берлоге мы жили семьдесят дней!.. Впрочем, нет, Марг освободился раньше. Его болезнь перешла в потрясающий жар. Он умер.

О, я помню эти дни!.. Нет, — надо сказать: ночи. Дня почти не стало. И вместе с тьмой росли холод и метели; но

каждый час я выползал на сверхъестественную стужу расчищать сугробы. В углу на груде вонючих шкур метался Марг, выкрикивая непонятные названия. «Ра, Тараге, Огу!». Везилет неподвижно сидел у его ног. Он ничего не говорил, подавленный и бессильный. Я был предоставлен самому себе. Как циклоп, грязный и закоптелый, я должен был поддерживать неугасимый огонь, греть воду и убивать животных. Когда умер Марг, Везилет присоединился ко мне; мы построили рядом другой, более чистый домик, а прежнюю нору преобразовали в баню с глиняным котлом и печкой. В первый раз я увидел, насколько мы, жители великолепных городов, забыли первичную, непроницаемую тьму природы. Когда-то у меня было изнеженное тело, подобное тропическому цветку, и вот, теперь, я выхожу из дьявольской раскаленной парильни, построенной по образцу, заимствованному из музея в Танабези, и одеваюсь на морозе, при свете туманной влаги, освещенной звездами. То, что раньше казалось невозможным, стало действительно; но так как прежнее было более реально, чем настоящее, то по временам все становилось непрерывной грезой.

Везилет стал для меня ближе и понятнее. Я так хорошо помню его в это время: у очага с записной книжкой, вставшего в экстаз мысли. Я думал, что он мог бы жить в Лоэ-Лэле, и женщины, подобные Гонгури и Нолле, любили бы его; но вместо этого он всю жизнь провел в грубой борьбе с опасностями диких миров. Какая сила влекла его по этому пути? Не то ли смутное беспокойство, что оторвало меня от чудесной жизни в моей школе? Везилет улыбнулся и заговорил со мной как с равным о последних достижениях науки и о той таинственной страсти, что словно ледяной газ сжигает мозг вдохновенных мыслителей. Так мы беседовали с ним у огня, прислушиваясь к вою зверей и вьюге, и моя душа впитывала его невероятную железную мудрость. Мне казалось, что никогда ни у кого я не встречал такого ясного и мощного взгляда на жизнь и таких знаний. С тех пор я сам изменился, стал другим, — не прежним беспокойным мальчиком Риэлем, а стойким учеником великого союза Ороэ.

Однажды я вернулся ликуя: солнце дольше обыкновенного задержалось над горизонтом. С той же стихийной скоростью события понеслись в обратном порядке. Снег не выдержал и помчался к реке грязными струйками. Лед раскололся и поплыл, крутясь и сталкиваясь, с веселым шумом. Грязная земля покрылась цветами и вдруг высохла и запахла зноем. Огромные бабочки вылупились из своих куколок, амфибии и змеи наполнили траву, птицы вернулись с юга. Я никогда еще не представлял себе смены времен года; и вдруг, наяву, я увидел как ожило заколдованное царство!.. Что было раньше: смерть или жизнь? Все соединено в одном круге. Я был очарован и мне казалось мир наполовину наполнился галлюцинациями. Сверкающий «Паон» летел в голубой яри, приближаясь ко мне. Люди, подобные тем, каким я был когда-то, вышли из него и более ясные, чем сон, приветственно подняли руки. Я испугался и бросился к Везилету. Но то была не галлюцинация. Пять человек вошли к нам в избушку, повторяя: «Как долго мы вас искали! Какое счастье!» и т. д. Это были генэрийцы.

IV.

«Паон» нашелся в десяти градусах к югу, выброшенный разливом на песчаную мель. Среди вещей Ноллы я нашел портрет прекрасной Гонгури и с тех пор он остался моим знаменем на пути к возвышению. Везилет и трое прибывших остались продолжать исследования. Я вернулся в страну Талла. Нечего говорить о моих восторгах. Впрочем, я скоро заметил, что после дикого смятения Паона размеренная жизнь, в какой я очутился, стала казаться мне странно чуждой, коллективизм моего народа — преувеличение, ведь я один боролся с чудовищами! И было скучно от математически правильных коридоров с рядами аудиторий по сторонам, от алмазных ромбов, покрывавших пол, от цилиндров колонн, от параллельных линий, от безжалостно знакомых поступков людей. — «Ах, что бы мне сделать?» — думал я с тоской. В чем счастье? Недавно это был отдых у огня после длинного перехода и спокойный сон для мозга и мышц. А теперь что? — «Может быть это — тень от нездесьних идей, может быть — совсем близко», — бормотал я слова поэта. Я был несчастен. Сэа, моя подруга, лучшая из всех, казалась слишком самоуверенной, когда я смотрел в лицо Гонгури; остальные были ничтожны. Тогда во мне возникла потребность в более серьезной работе, чем школьные занятия. Мне удалось усовершенствовать один из двигателей воздушных кораблей, сделав его еще легче. Я видел, как мои машины распространились всюду, но никто даже не знал моего имени. И в то же время я услышал поразительную весть об избрании Гонгури в Ороз! Я видел ее на экране гордую и чудесную, с невидящими глазами, стоящую пред мировой толпой, и краска горячей крови заливала мое лицо.

— «Как, — думал я, волнуясь, — какая-то девушка, сочиняющая стихи, носит эмблему Рубинового Сердца, а я торчу здесь! Нет, так не может продолжаться дольше!» Мне было восемнадцать лет. Я оставил школу и жил вместе с

Рунут, читавшим Высшую Телеологию в Танабези. Мне ничего не было жаль там, кроме него, и, может быть, Сэа. Рунут — кажется он был моим отцом — не стал меня отговаривать.

— Я был там и вернулся, — сказал он, улыбаясь над моим тщеславием.

Это меня смутило, но в моей душе все время волновался образ здания, величайшего в мире, воздвигнутого в центре Лоэ-Лэле. Его названия менялись в течение веков в зависимости от того, какая сила казалась наиболее величественной и всемогущей. Когда-то это был Дворец Революции, в эпоху «Союза Побеждающего Духа» — Храм Истин, в мое время — Дворец Мечты. Я был исполнен пламенным намерением без конца, самозабвенно работать в его лабораториях и достичь чего?.. — этого я сам не представлял себе ясно. Во всяком случае, я хотел испробовать силы на какой-нибудь более значительной проблеме, чем улучшение простой машины. В Лоэ-Лэле я прежде всего посетил Везилета. Он выслушал меня очень ласково и сказал, положив как другу руку на мое плечо. «Не большое достоинство, что ты придумал свою машину, Риэль, но то, что ты так молод, действительно заслуживает внимания».

На другой день я получил две комнаты на Звездной улице, высоко над морем и розовыми садами. С первых же дней я перестал принадлежать самому себе. Сады Лоэ-Лэле поднимались в горы, на восток и север и на их склонах постепенно переходили в лес, вернее, запущенный сад. Строители города дали направление водопадам, засеяли отдельные холмы цветами, привили плодовые деревья, и потом все было оставлено влиянию времени. Стихии нарушили план людей и всюду внесли свой дикий отпечаток. Но эта запущенность нравилась мне больше великолепия прибрежья. Мне нравилось лежать в зарослях левкоя и дышать воздухом высших слоев на вершинах скал. Когда я смотрел вниз, то видел Лоэ-Лэле, подобную фантастическому флоту в темно-зеленом море и в самом центре, на невероятной лучистой площади — великий Дворец Мечты. Там были сосредоточены лучшие сокровища человеческого гения. В

середине возвышался купол старинного храма Побеждающего Духа. И там, на самом верху, на высоте трехсот сажен, стояла громадная статуя такого же восходящего к свету юноши, как на берегу моря, в точке пересечения набережных. Только рука его не искала опоры, а смело простиралась к небу и он не закрывал лица от солнца. И всякий раз, когда я смотрел на прекрасную статую, я давал себе слово в тот же день приняться за неведомый великий труд. Но когда я спускался в лабиринт Дворца Мечты, мое настроение мучительно падало. Неисчислимы толпы наполняли его аудитории, музеи, библиотеки, неисчислимы противоречия отравляли его воздух тончайшим ядом. Оглушительные фразы, непонятные и сложные доказательства пронеслись по многоликой душе, словно вихрь, более могущественный, чем грозы Паона. Я видел, как люди извивались и стонали от пронизывавшей их мысли, я видел их безмолвными и равнодушными к внешнему над шуршащими листьями книг. Я видел налившиеся кровью глаза и дрожащие тела, разрушаемые невидимой борьбой идей, и не мог понять, не мог разобраться в их великом хаосе, найти проблему, достойную моего воодушевления. Я возвращался домой, томимый смущением. На время я постарался забыть о своих мечтах о величии. Было так хорошо, полулежа на мягких диванах, созерцать с кем-нибудь в глубине экрана театральные представления или слушать музыку или просто смотреть в громадное окно на сияющий город и темное небо. Легким движением руки я приводил в действие систему приборов и через минуту получал из библиотеки книги Ноллы и Гонгури. Воспоминания о Нолле, овеванные дымкой таинственной грусти, любовь к другой, казавшейся далекой и сказочной, поэзия, подобная чистым кристаллам, отражавшим вечные пространства, грезы и голоса юных томлений скоро сделали то, что я сам стал писать стихи. Чаще же всего я проводил время между землей и небом с девушками Генэри и на золотом пляже у лучезарного моря.

Мой дух мог заснуть, но не погибнуть и скоро сильный толчок заставил меня очнуться. Однажды над водной ши-

рю, в лучах заходящего солнца я кружился среди таких же красивых существ, как и я. Мы занимались тем, что ловили птиц и отпускали их с разноцветными розами. Это был детский спорт и мы были веселы, как дети. Вдруг я заметил молодую девушку, быстро летевшую мимо. Она грезила о чем-то и мчалась вперед с неподвижным взором, созерцая бирюзовое небо, где начинали сиять самые большие звезды. Улыбаясь от радостной беспечности, я догнал ее, приглашая присоединиться к нам. Она не сразу поняла меня и потом, когда я был совсем близко, бросила на меня взгляд, исполненный плохо скрытого негодования. И только тогда я заметил рубиновое сердце — признак Ороэ. Я узнал ее: то была Гонгури, моя Гонгури!.. Я был уничтожен, испепелен этим мгновенным взглядом. Я мог лишь молча поднять руку в знак уважения и бросился вниз, на землю, дрожа и закрывая лицо руками, хотя никто не мог меня видеть. Я опустился на плоский камень пустынного берега и упал на него лицом. Так я лежал очень долго. Потом постепенно во мне возник великий гнев. Я встал и поклялся звездному небу, что какой угодно ценой стану достойным хотя бы лучшего взгляда Гонгури.

На другой день я снова заблудился в лабиринте мыслей Дворца Мечты. Мне снова показалось, что меня окружает безнадежный хаос и я никогда не отличу в нем истинно-ценного от хлама, — но вот, я снова услышал Везилета. Закрыв глаза, я вижу его, как наяву: высокий, седой, вечно дымящий листьями Аоа, пахнущими эссенциями тропических смол. Он был прекрасен среди множества приборов и машин, прекрасна была его речь -- чистая и сухая, как треск электрических разрядов и в центре ее — светлые сверкающие глаза юноши, излучающие вдохновение и невероятную волю. Он не читал определенного курса. Разные сведения можно получить из книг и потому он говорил лишь о том, что волновало мир и тянул нас за собой на высоты подлинной науки. Я дрожал на его лекциях, как любовник, и бледно-коричневая кожа моего лица становилась огненной от возбуждения. Случилось так, что в то время вновь

разгорелся давнишний спор о строении материи. О, Митч, тогда идеи были для меня чем-то другим, чем теперь!

У них был другой повелительный тон! Они захватывали сознание до крайних глубин! Здесь, на Земле, такой силы нет даже у голода! Страсть, овладевшая мной после встречи с Гонгури, лишила меня способности спокойно рассуждать. Я был влюблен безмерно и чисто. И вот, под влиянием жажды найти еще неведомое, во мне возникла отчаянная, фантастическая мысль: достигнуть громадного, почти бесконечного увеличения и собственными глазами посмотреть из чего состоит Мир!

Я еще не знал настоящих трудностей систематической работы и терновых венков творчества, но я жаждал всех страданий ради достижения цели. Я изучил все машины мира и много наук, надеясь найти в них хоть намек, хоть тонкую нить, чтобы войти за ней в царство тайны. Прошло два года. Я похудел, мои глаза приобрели сухой блеск первой настоящей боли и я стал искать одиночества. Я любил пустынные места в горах, далеко к северу от Лоэ-Лэле, у задумчивых нечеловеческих изваяний, высеченных неизвестным скульптором. И там внезапно настал мой великий миг.

Я лежал на плоском камне, моем обычном убежище, отдыхая от непрерывных мыслей и неудач. Мой взгляд неподвижно покоился на миниатюрном диске нашей луны, в глазах расплывался серебряный свет и, кроме него, мой мозг не воспринимал никаких ощущений. Вдруг в его полусонных глубинах сверкнула, охватив от края до края весь невидимый горизонт, чудовищно яркая молния. В одно мгновение я был на ногах. Машина Риэля была найдена. Я не помнил явившейся мысли, так как она была мгновенна, но я знал, что она живет во мне и теперь остается только расшифровать ее.

Я не Риэль, я — Гелий, человек худшего мира. Я не могу вспомнить идеи моего изобретения и потому тайна его отодвигается в неизвестную пучину будущего. Но я был Риэлем и делал великие открытия, и одно из них сбросило меня отсюда. Еще два года я почти не спал, бледнея в ла-

бораториях фантастического здания, два года с безумным темпом мысли я переходил от книг к вычислениям, от вычислений к опытам и лекциям. Гонгури пришла ко мне смотреть в горящие глаза, вечно погруженные в странную работу, и я достиг наконец ее желанного взгляда, но в то время моя душа пламенела иной всепоглощающей страстью и я принял его лишь как случайную награду, совсем крошечную награду.

Однажды Гонгури спросила меня, чем я занят? Она стояла так близко и ее рука так дружески сжимала мою, что мне захотелось говорить о любви, но я сдержанно и уклончиво ответил, что стараюсь «постигнуть тайну материи».

Гонгури покачала головой.

— Нельзя постигнуть тайны Материи, не зная тайны Духа, — сказала она; но ее поэтический идеализм вызвал во мне только снисходительную улыбку.

С тех пор я часто замечал издали сияющий взор Гонгури, уделяя ей и всему окружающему лишь немногие минуты и незначительные слова. Я знал одни вычисления, бесконечно сложные вычисления.

Я работал в гигантских «Мастерских Авторов», занимавших фундамент Дворца Мечты. Здесь выделялись новые машины, все без исключения, как бы фантастичны они ни были. Немногочисленный персонал этой опытной станции прогресса в большинстве случаев ничего не знал о данных заказах, отмечая только их итоги. Во главе мастерских стоял старикашка Пейрироль, выбранный туда за свою нечеловеческую любовь к машинам. Днем и ночью я видел его проверяющим мускулы своих железных любимцев, то изящных, хрупких и сложных приборов для точнейших измерений, то огромных электрических молотов, изрыгавших торжествующий чрезмерный грохот в атмосфере стальных плавлен. Тысячи тонн металла выбрасывались вверх, освобожденные с помощью поверхностей онтеита от своего веса, и вновь падали, давя на чудовищные рычаги, наполнявшие движением все гигантские залы Дворца Мечты. Я сроднился с этим вечным движением, шумом, визгом и шелестом, выделявая части моей машины и торопя помо-

гавших мне мастеров из студентов верхних этажей. Десять раз модель оказывалась недостаточно точной, десять раз мы принимались за нее снова. Пейрироль встретил меня однажды тонкой усмешкой. По его мнению, я должен был поплатиться за свои фантазии. То, конечно, был намек на существовавший в Генэри эстетический обычай, по которому неудачники всегда старались возместить расходы Мастерских Авторов. Я снова поднялся в аудитории и библиотеки. Однообразными днями я просиживал за чертежным столом или блуждал, не видя, по бесконечным музеям и городам всех эпох, воспринимая сквозь сон сказочное величие и помня все одну и ту же мысль, пока меня не нашли ночью без памяти под лапой атлантозавра. Меня немедленно отправили в санаторий в чудесном бору, где я пробыл около месяца, купаясь в душистых хвойных ваннах; но лишь только я немного поправился, я вернулся в Мастерские Авторов. И я победил! Я первый увидел, наконец, как плотный кусок вещества превратился в мелькающий вихрь светящихся точек; но они двигались слишком быстро, сливаясь для глаза в сплошные полосы и я придумал способ следить за ними, следуя всем их бесчисленным движениям. Я научился наблюдать эфемерные, мимолетные явления, замедляя их, замедляя самое время. И много преград преодолел я еще. И тогда я понял, что вовсе не разрешил проблемы, потому что все числа равны перед бесконечностью; но лучших результатов я и не ждал. «Неделимые» превратились в сложные светящиеся подобно звездам тела, окруженные спутниками меньших размеров. Для высшего сознания в том не было ничего странного, ибо что же в самом деле есть величина и длительность?

Гелий вздрогнул.

— Стало холоднее, — сказал врач.

— Нет, как страшно: что это, отражение идей, повторяющихся со времени Бернулли, или, может быть, вовсе не сон?

— Страшно? Тебе страшно?

— Нет, нет, но слушай, что было дальше!

Я улетел к Везилету поделиться с ним моим успехом. Он встретил меня с недоверием, потому что давно знал о моих невероятных занятиях, но когда я стал излагать ему свои идеи, он так увлекся, что слушал меня много часов подряд. Моя слава росла быстрее шума приближающейся лавины. «Риэль, Риэль, Риэль», — кричали экраны. — «Риэль, Риэль», — повторяли невидимые токи. Осуществилась моя мальчишеская затаенная греза: гении Ороэ избрали меня в число своих членов и вместе с чудесным рубином мне был отдан прекрасный старинный дворец среди садов западного побережья. Волнующая и радостная церемония посвящения, сохранившаяся, подобно осколку красоты от далекого прошлого, должна была совершиться в ближайший день. А я? — я переживал странное безучастие к моему триумфу. В другое время он несомненно, доставил бы мне величайшее удовлетворение, но время действительно есть нелепость. Можно прожить десять лет и сохраниться как уродец в спирту и можно стать совсем другим в несколько дней. За четыре года моего пребывания в Лоэ-Лэле я очень изменился. Во мне уже не было прежнего избытка жизни, я двигался медленнее, улыбался реже и говорили, что моя улыбка была напряженной. Может быть, это было лишь временное утомление, преходящее влияние бессонных ночей, листьев Аоа и напряженной мысли, но я был склонен считать мое состояние тем конечным пунктом, куда приходит всякий разум. И, странно, умирая от усталости, я в то же время испытывал мутящую пустоту наступившей бездеятельности. Ах, Митч, — то была тоска, которая всемирна, присуща всякому сознанию и возникает даже в раю!..

У меня была бессонница. Я лежал в большом зале на мягком черном диване и мои глаза были открыты. Я был один. Тишина ночи нарушалась только легким плеском струек воды, лившейся в углу из мраморного экрана. Они освещались у своих истоков яркими сконцентрированными лучами всех цветов спектра, переломлявшихся в воде, словно каскады самоцветных камней. Блики мелькающего света блуждали по комнате, отражаясь в полированном металле моей машины, стоявшей почти в центре. Я подумал

о том, что мне надо уснуть, для этого следовало бы принять лекарства, но мне не хотелось вставать. «Темнота лучше всего», прошептал я, движением руки гася свет, сиявший в разноцветных струйках. Стало темно, но не совсем. Какая-то бледная тончайшая пыль наполняла воздух. Я оглянулся: свечение исходило от небольшого сильно фосфоресцирующего шара, лежавшего в руке статуи, изображавшей мыслителя. По-видимому, все вместе — статуя и удивительный шар — представляли собой нечто вроде художественного ночника. Я отвернулся и попытался заснуть, но не мог. Свет раздражал меня и я не мог забыть каменного лица, отражавшего напряженное внимание неведомого духа, неприятно бледного лица, освещенного голубоватым сиянием. Тогда я встал, подошел к статуе и, вырвав из ее руки светящийся шар, испещренный, словно человеческий мозг, ветвистыми жилками, соображал, куда бы его забросить. И вдруг у меня явилась мысль исследовать вещество этого шара в моей машине, — случайная незначительная мысль, изменившая все видения моего бессмертного существования!

V.

Гелий внезапно замолчал, охваченный непонятым возбуждением. Врач подал ему табак.

— С этой мыслью я вошел в Страну Гонгури,— сказал Гелий. — Да, представляешь ли ты смену моих переживаний? Все, что я рассказывал, есть как бы воспоминания Риэля, все, что я расскажу, я пережил на самом деле, и эти образы, живущие во мне, обладают таким же тоном реальности, как мои представления о ходьбе по каменному коридору с прелым воздухом и гуле замка в тюремной двери. Я знаю, все можно объяснить фантазией, но тогда фантазия — это настоящая жизнь. Слушай!

Очарованный своей мыслью, я подошел к машине, держа в руке светящийся шар. Его слабое сияние едва выхватывало из мрака отдельные предметы. Сквозь громадное пустое пространство открытого окна виднелось безлунное небо и легкий теплый ветер дышал благоуханиями садов. Было темно, но высокие кипарисы — факелы мрака — все же выделялись на звездном небе. Маленькие метеориты иногда сгорали, мгновенно отражаясь в море. Вдруг, осветив все побережье, вспыхнула зарница. Моя машина призрачно сверкала полированными поверхностями своих бесчисленных частей, то громадных, то удивительно тонких и миниатюрных, когда я устанавливал Голубой Шар. Машинально я привел в действие многие механизмы и, взойдя на особое возвышение, заглянул в окуляр. Так я помню все очень ясно.

Молекулы неизвестного фосфоресцирующего вещества оказались чрезвычайно сложными. Они отражались на жемчужном экране, подобно настоящим звездным скоплениям ослепительно сверкающих частиц, стремившихся в поле зрения потоком бриллиантов. Почти против воли я замедлил увеличение, любуясь красивым элементарным зрелищем, напоминавшим мне прежнее увлечение искусством сияющих цветов. Потом я уловил движения одной выбран-

ной наудачу частицы и стал постепенно приближать ее, созерцая. Это была простая желтоватая звездочка, и я оставил ее, заинтересовавшись одной из планеток. Неведомые силы наклонили ось ее вращения по отношению к центральному светилу более, чем на 20° , вследствие чего каждое полушарие то замерзало, то пламенело от зноя, как Паон. По разным признакам я определил, что колебание температуры в умеренных поясах кое-где достигало ста градусов и больше. Я приблизил этот маленький адик еще и мой взор упал на синюю поверхность океана. Развлекаясь, я мгновенно отодвинул его в сторону и очутился в лесу настоящих деревьев. Группа прелестных четвероногих, напоминающих антилоп, паслась на берегу ручья. Вдруг маленькое стадо с непостижимой быстротой исчезло в чаще, но одна из антилоп осталась. То могучий желтый хищник, подкравшийся невидимо как злой дух, убил ее, одним движением разорвав ей горло. Быстрое пламя наполняло мои жилы.

Итак жизнь вездесуща! Я вспомнил, несколько дней перед этим во время туманного разговора о последних тайнах, Везилет рассказал мне о своих новых исследованиях явления мировой энтропии и о своей любви ко всякой жизни, вступающей в неравную борьбу с этим грозным процессом вечного обесценения энергии. И вот внезапно оказывается, что жизнь насыщает собой мертвое вещество, повторяясь в однообразных формах и арена мировой битвы расширяется невероятно. Да, Везилет будет восхищен.

Желтый зверь начал пожирать свою добычу. Я отвернулся.

Что это? Предо мной было более обширное пространство, свободное от леса, и в центре кучка жалких жилищ вроде тех, какие мы строили в дебрях. И здесь же, около самого большого шалаша, плясали черные обезьяны, вооруженные длинными палками. Мое волнение было безмерно. То были люди, почти люди!..

Двое дикарей вышли из шалаша и на их пиках, как сон, я увидел мертвые белые головы настоящих людей. Потом внезапно вместе с оравой уродов, окруженных маленьки-

ми чертенятами, на моей страшной сцене появилась нагая белая женщина. Началась таинственная оргия. Черные самки зажгли костры. Ходячая выставка амулетов и бус из зубов животных закачалась, гримасничая, среди них «Жрец», сообразил я. Блеснул нож, но женщина так страстно хотела жить, что умоляла о пощаде и, извиваясь, упала на колени. Жрец начал мистический танец. И кажется в одном из дикарей она пробудила если не жалость, то похоть. Намотав на руку распущенные светлые волосы, он потащил ее прочь. Вдруг черная женщина, как тот желтый хищник, мгновенно бросилась на свою соперницу и впилась ей в горло. В минуту они слились в чудовищный комок вьющихся тел. Потом все было кончено и жрец нагнулся над распростертым трупом и широким ножом привычным единственным взмахом руки отрезал ее грудь. Он тщательно облизал кровь и отдал мясо победительнице.

О, боль моя! Я впал в полугипнотическое состояние и смотрел лишь поэтому. Когда же я оторвался, наконец, то закричал, зовя людей, почти теряя сознание, но я был совсем один в тот поздний час и никто меня не услышал. Когда я несколько успокоился, я вспомнил о белых людях, созданных подобными нам, и подумал, что их жизнь, вероятно, меньше походит на безобразный кошмар. Тронув микрометрический винт, чтобы не увидеть прежних дикарей, я вернулся к созерцанию странного мира.

Предо мной очутилась одна из многолюдных столиц светлокожих. Если бы не снег, покрывавший ее улицы, она совсем напоминала бы города нашего далекого прошлого: случайное расположение узких улиц, возникавших столетиями, поразительное неравенство зданий, то убогих, то красивых, невообразимая скученность, экипажи, запряженные сильными четвероногими, вагоны, движимые электричеством, передававшимся по проволоке, громоздкие машины и суетливая толпа, — все это я видел когда-то мимоходом в стеклянных залах музеев Дворца Мечты. Но скоро, очень скоро я убедился, что в жизни нового человечества было много страшных особенностей, иногда неопределимых, какой-то общий тон, совершенно чуждый, безнадеж-

но отделявший ее от жизни Страны Гонгури. Ах, что это был за удивительный мир!..

Я увидел вокзал и поезда, катящиеся по рельсам силой перегретого пара. Из тесных вагонов выходили люди и тащили громадные сундуки и узлы, изнемогая под их тяжестью. В одном месте люди подрались. «Частная собственность», — сообразил я.

Следуя за этими поездами, я перевел мой взор вглубь страны. Больших городов оказалось чрезвычайно мало. Вообще городов оказалось мало. Масса разноцветных людей жила в небольших поселках, более или менее жалких и грязных и едва ли белые дикари сильно отличались от черных.

Мои впечатления становились все безотраднее. В полушарии материков царила зима и громадные пространства были покрыты сплошным саваном снега. Я рассматривал ландшафт унылой страны. Затерявшиеся, потонувшие в сугробах деревушки, где все живое, скот и люди, погружалось в зимнюю полуспячку, дым, змеившийся из всех отверстий избушек, а кругом, без конца, белая пустыня, угрюмый лес и замерзшие воды, — все это живо напоминало мне картины Ада, поэмы Неатна, этого загадочного и великого мыслителя древности. Вот предо мной человек, одетый в шкуру барана; в одной руке он несет, размахивая, несколько убитых зверьков, а другой ведет детеныша, закутанного в тряпки; за ними следует теленок; они входят в один из домиков и теленок входит за ними; внутри на голом полу лежит старик в шубе, в шапке и качает ногой люльку, под которой суетится выводок щенков. Люди жили вместе с животными и, вероятно, как животные. Я вспомнил о своих страданиях на планете Паон, о болезнях и холоде и невольно вздрогнул, так как все, что мне пришлось пережить в течение нескольких месяцев, было обыденным и привычным в жизни неведомого племени.

Я долго блуждал в новом мире и меня трясла лихорадка странного возбуждения. Мои мысли мчались, как ураган, я страшно резко и быстро улавливал смысл открывавшихся предо мной картин, дрожа от их потрясающих подробностей, и скоро приобрел довольно точное понятие о

жизни нового человечества. В одном месте при свете луны я увидел поразительную и громадную статую, воздвигнутую на пороге великой пустыни: зверь с лицом человека. Я был уверен, что неизвестный художник олицетворил в этом уроде все свое человечество. Каждое новое впечатление подтверждало мой вывод. Я заинтересовался толпами одинаково одетых мужчин, шагавших в ногу, возбужденно горланявших и вооруженных длинными ружьями, оканчивающимися ножами. Смутная догадка, жуткая, как мысль о противоестественных гадостях, возникла в моем горящем мозгу. Мгновенно я отдалил от себя планетку и то, что я увидел, совсем не согласовалось с моим представлением о войнах, почерпнутым из древнейшей истории Страны Гонгури. Здесь не было ни армий,двигающихся вперед с храбрыми предводителями во главе, ни осажденных городов, героически обороняющихся против врагов. Здесь были осажденные страны и вооруженные народы. В глубоких длинных ямах, вырытых бесконечными параллельными рядами, дальше чем от Лоэ-Лэле до Танабези, стояли люди и целились друг в друга. Привычным взглядом я оценил поразительное совершенство огнестрельного оружия и военных машин, применявшихся во враждебных армиях, каких никогда не было в Стране Гонгури. Это была скорее не война, а коллективно задуманное самоубийство. Так спокойно, медленно и чудовищно методично совершалось массовое истребление жестоких крошечных существ. Меня тошнило.

Каждое новое движение микрометрического винта приносило все новые непонятные и пугающие видения. Среди снегов и у лазурных заливов, среди снежных пустынь и пустынь раскаленного песка я видел батальоны, везде батальоны. Я видел армии, отступавшие под натиском сильнейших врагов. Люди ползли и бежали, сталкивались в рукопашном бою, гибли тысячами, чтобы возвратиться к исходной точке. Я приблизил планетку. Предо мной были тяжелые пушки наступавших войск; они торопились, но на дороге пред ними был глубокий ров и они не могли его миновать; тогда солдаты бросили в него убитых и потеря-

вших сознание и металлические чудовища медленно проехали по этой массе, мешая вместе грязь, мозг и кровь. Я видел мертвые города. Пустынны были улицы, пустынно были дома; не мчались токи по проволокам, не катились вагоны, умерли заводы. Только маленькие четвероногие хищники бегали взад и вперед, подозрительно обнюхивая разорванные куски драгоценных тканей, брошенных в грязь. И на одном из трамвайных столбов медленно, как маятник часов Дьявола, качался черный труп повешенного. А дальше снова тянулся фронт и огромные глыбы металла, начиненные сильнейшими взрывчатыми веществами, на протяжении многих миль мчались во вражеские укрепления и рвали их в спутанные клочья колючей проволоки, бетона и глины, словно непрерывные извержения грязевых гейзеров, вздымавшихся к небу столбами черной земли и белого дыма, где только угадывалась красная примесь.

Солдаты вылезали из своих ям. Битва достигала апогея. Люди бежали и, вдруг, падали, становясь странно неподвижными. Я видел человека с простреленной головой. Он несомненно, был мертв, но все-таки шел вперед и его лицо еще горело от сверхъестественного возбуждения. Я видел как целая фаланга солдат, одетых в серое, была разрезана пулеметной гущей, словно они сразу переломились надвое — фокусные куклы! Наконец сошлись совсем близко, и я почти услышал внезапно наступившую тишину. И потом животный рев, крики невыразимого ужаса и внезапной боли, и мерзкий железный лязг.

Моим вождем был только случай, но он открыл мне самое сердце Ада. Рядом, с одной стороны, из траншей поползло длинное облако стелющегося дыма и когда оно рассеялось, пространство, заключенное в поле моего зрения, напоминало кладбище солнцепоклонников. Мертвых сменили живые, защищенные безобразными масками. И какие-то громадные машины медленно двинулись на них, изрыгая дым и огонь и, казалось, никакая сила не могла остановить победного шествия этих чудовищ. Они переползали ямы, взбирались на холмы и двигались, почти не меняя направления, давя раненых и человеческие трупы, обмазан-

ные кровавой грязью — подобные фантазии безумца, дрожащего от бредовых идей. Вдруг ужасный взрыв мгновенно разорвал одну из железных машин. Куда-то бросились солдаты с запрокинутыми головами и лица их, быть может мне показалось, были черны, как уголь. Они так и застыли в моей памяти, потому что с порывом шторма белое облако, словно погребальный саван, внезапно закрыло всю сцену. Предо мной клубилась неровная поверхность легкой влаги и на ее фоне я заметил аэроплан. Он сделал несколько кругов и вдруг, как хищная птица, нырнул вниз. О, тревога моей души и безмолвие!

Дальше, в безопасной зоне, я увидел подходившие новые войска — тысячи молодых мужчин, шагавших правильными рядами. О, как были возбуждены их лица! Как они хорошо шли! И я вдруг ясно представил: я иду вместе с ними. Я иду также с непокрытой головой, размахивая своим шлемом, как триумфатор. И все сердца сгорают одним огнем и все мы поем одни и те же песни. Это лучше, чем задыхаться в плохих городах, это лучше, чем копать в земле и всю жизнь торчать у станков! Под песни жизни мы идем строить новую жизнь. Развеваются звуки по ветру, словно победные знамена, наполняют мир, очищают, как на жертвенном огне, все сознания и нет больше невозможного, нет невозможного. Но вот она, изнанка воодушевления толп! Предо мной было страшно изуродованное поле, словно земля в этом месте покрылась струпами безобразной болезни. И по нему бродили люди с красными значками на рукавах — символы могильщиков, вероятно, — и подбирали своих братьев, безлицых, безголовых, безногих — жалкие комки запекшейся грязи, бывшие когда-то людьми. А вот, несомненно, трофеи: никуда негодная торжественная рухлядь и пленные. Белые конвоировали белых. И потрясающая группа выделялась среди них. Вот человек с поднятыми в знак пощады руками — он будет поднимать их веками, вот сражающийся с призраками, вот человек, который дрожит, вот маски мировой скорби, религиозного экстаза и безнадежного идиотизма. О, какие лица, лица какие!

Я скоро заметил, что развивающиеся предо мной события не были связаны обычным течением времени. Отраженные лучи микроскопического светила каким-то сложным процессом перерабатывались для моего восприятия. Но стоило мне в своем необычайном волнении сдвинуть один легкий рычаг и в мой глаз проникал уже другой ряд лучей, в мое сознание — другие впечатления и не всегда я мог определить, какие из них более ранние и какие поздние. Война, или, может быть, не война, — повальная болезнь, кровавая чума, чудовищные язвы которой я видел в ограниченных полосах страшного мира, внезапно просочилась внутрь страны. Те же пятна войск, разбросанные невидимыми течениями, расплылись по огромным пространствам и, группируясь то так, то иначе, отличаясь лишь едва заметными значками, немедленно вступили друг, с другом в борьбу. Только приемы были примитивные и кровожадные. Впрочем, все это я уже видел. Пленники со связанными руками, которых под дикие танцы медленно топили в реках, пожары, истязания, внезапные порывы великодушия и потом еще более глубокий мрак странных противостественных страстей, какие может навеять лишь болезнь. Неожиданно я открыл тайну торжества чернокожих, так поразивших меня сначала. О, они были ни при чем эти черные дикари! То было изысканное оружие могущественных белых демонов. Чума царила всюду. Белые истребляли друг друга во всем мире и там, где их было мало, натравливали черных обезьян на своих братьев, или на других черных обезьян своих братьев. И ведь всего ужаснее, так было днем при ярком свете солнца, умиротворяющим какое угодно безумие! Что же совершалось ночью, и там, за стенами их грязных берлог?..

Это не была жизнь, скорее это был театр, проклятая игра таинственных огромных и злых сил. Какие это были силы — я не знал. Может быть, автор представления — величайшая любовь, режиссер — самоотвержение, а марионетки туго набиты самыми светлыми лозунгами? И в то же время было ясно, что все это — зверство, дикость, навоз, безделие, все, что они презирали в просветленные минуты

и против чего боролись, было неизлечимо, потому что составляло часть их же душ и, сражаясь с чудовищами, они сами оставались чудовищами.

Несомненно, я страдал ужасно. У меня появилась потребность погрузить мое сознание в бурные воды океана, дающего покой, но даже там, на безбрежной равнине воды, как пятна сыпи, появились сотни огромных военных судов, изрыгавших жерлами титанических орудий свои змеиные плевки. Вдали одиноко погибал брошенный корабль. Объятый пламенем и черным дымом, он медленно погружался в пропасть и обезумевшие, ослепленные люди с разбега бросались в ледяные волны, среди наступающей ночи. Двигались наглые щупальца прожекторов. И волны, отражая огни пожара, казались фантастической зыбью адских болот, где, как говорит великий поэт, вечно мелькают беспомощные руки отверженных, простираясь к пустому небу за несуществующим спасением и ловя только холодный воздух бездны. О, Неатн, если бы ты знал, как художественно неведомые актеры воплотили твои видения. Если бы ты знал. Или, может быть, я сам сошел с ума и обречен видеть только страшные сны? Кто говорил мне об этом? В тропических странах Паона живет удивительный сорт гигантских муравьев. Если разрезать экземпляр этой породы на две части, то половинки, челюсти и жало, с поразительной свирепостью начинают сражаться между собой. Так продолжается каждый раз в течение получаса. Потом обе половинки умирают. Целый мир был подобен такому маленькому чудовищу. Несомненно, новое человечество погибло, по крайней мере то поколение, какие я наблюдал. Что ж, может быть это хорошо! Чтобы уничтожить мор, истребляют зараженных животных. Пусть невидимая смерть пройдет в пьяном вдохновении среди многоликих варваров. Их сменит другая, чудесная жизнь. И вдруг я вспомнил! Ведь в самом центре палящей злобы гибнущего мира могут быть, нет, конечно, есть отдельные великие умы, принадлежащие другим временам и другим расам, обреченные на страшное одиночество, лицом к лицу с всемогущей косностью и вечным возвращением!.. Что за поэзия долж-

на возникнуть в этом хаосе? Какие кошмарные, бесчеловечные, самоубийственные грезы рождаются там! И опять нестерпимо ярко мне показалось, что вот-вот миг, молния — и навсегда исчезнет дрожащая грань грез и действительности. Но откуда же эти безобразные сны у меня, сны, как их никогда не было ни в моем сознании, ни в моей крови. Откуда, откуда?..

Я зажег белый свет и некоторое время испытывал ясность моих восприятий. Все было неизменно. Тогда я тронул винт и приблизил к себе планетку. Было раннее утро. В ореоле ледяных радуг вставало красное солнце. Под холмом сбились в кучу всадники и пехотинцы, плясавшие, как дервиши, чтобы согреться. О, я знал, какой это мороз, когда вместо одного солнца на небе кружатся пять! Однажды в такое утро я возвращался с берестяным ведром воды в нашу нору на Паоне и мои пальцы, одетые в мех, стали неподвижны, как ледяные сосульки. Вдруг я заметил, что от группы солдат отделился совершенно голый человек. Он шел в степь, сжав на груди руки, с безумным лицом, прямо, не оглядываясь, как автомат. Солдаты лениво поглядывали ему вслед. Потом один из всадников легкой рысью поехал по тропе, намеченной в снегу босыми ногами. Когда расстояние между ними сократилось на три шага, всадник не спеша занес высоко над головой изогнутую ледяную саблю. Страшный прорез пришелся между плечом и шеей. Человек упал, но все еще был жив. Тогда всадник снял с руки длинную пику и я видел, как голая нога три раза беспомощно поднималась кверху при каждом нажатии. И все это совершалось чудовищно медленно и обдуманно!

Рядом в чаще леса стоял совсем старый солдат и молился. С напряженным вниманием я рассматривал его запрокинутое, обращенное ко мне лицо. Было очевидно, что этот идолопоклонник не имел никакой склонности к своей профессии. Что-то чуждое, какая-то противоестественная необходимость тяготела над ним. Двое других солдат, одетых иначе, подкрадывались к нему сзади. Я ждал, что враги только застрелят молящегося старика, но они не могли

шуметь. И потому один из них быстро схватил его за горло — излюбленный прием этого мира — и опрокинул навзничь. Мгновение они боролись. Затем другой солдат равнодушно сунул в извивающееся тело свой нож. И они осторожно поползли дальше, озираясь как хищники и... и... также крестились.

— Митч, ты, конечно, понял: это наша Земля!.. Разумеется, я лишь теперь узнал, что Риэль открыл Землю, в то же время, когда я был Риэлем, она казалась мне странным маленьким чудовищем и только.

Эти горы, эта гигантская река, эти океаны земли на восток и запад до обоих океанов, весь этот громоздкий мир, такой великий для нашего глаза, эти звезды и тончайшая разорванная вуаль Млечного Пути, титанической аркой висящая над нами, все бездны, вся жизнь, — только миниатюрный вихрь частиц в какой-то игрушке иного мира!..

Сны, сны! Это мое утомление побеждает меня, это бред наяву!

Огни, трупы, шествия, знамена, смятые шелка, корабли, переполненные солдатами, взрывы, мертвые страны и эта вездесущая красная ткань — кровь — только дикий вихрь, мчащийся мой дух в кошмарных сферах! Действительности нет, я не живу! Сейчас я сделаю последнее усилие и проснусь в лаборатории, занятый сложными вычислениями, своим обычным трудом. Я еще ничего не достиг. Это преходящая слабость навеяла мне дурной сон. Ах, да разбудите же меня, наконец!

Врач обеими руками стиснул кисть близкого к припадку юноши. Гелий быстро, как после внезапной раны в бою, вернул свою волю и продолжал, сжимая виски.

— Я старался передать мои наблюдения над Землей так, как они действовали на меня, со всеми обрывками мыслей, возникавшими в моей душе. Это был кошмар, но теперь я думаю, Митч, разве не страшнее то, что весь пережитый ужас перестал казаться ужасом? Разве даже ты не привык видеть убийство? Разве я не втыкал мой штык в человеческое мясо?..

Я устал и беспорядочно перемещал поле зрения. Война продолжалась. Видения были неисчислимы и я почти не думал о них, но несколько подавляющих картин встают предо мной ясно и неотступно, как эриннии.

Сумасшедшие, грязные, чудовищно истощенные женщины ломались, размахивая пустыми корзинами в запертые двери; но женщины были слабы и двери не открывались.

Огромная, выжженная зноем пустыня. И в ней только одно живое существо — человек. Он лежал неподвижно у маленькой норки и ждал с терпением больного. Вдруг из нее выскользнул серый зверек вроде крысы. Я помню отчаянный прыжок и страшные оскаленные челюсти, раздрающие вонючее мясо.

Большое село. Все двери, все окна, все ходы и выходы для живых заколочены. Люди ушли, убежали от какой-то непреодолимой ужасной силы. И на пустынной улице, на четвереньках ползет невероятный желтый скелет забытой старухи, которая оскалилась на знойное солнце — хохочет или плачет в безумии, как ликующая, единственно — бес- смертная смерть!

Дальше!

Великолепная растительность покрыла побережье теплого океана. Мутный поток пенился между камней чудесной лентой, вьющейся между виноградниками, плантациями табака, маслиновыми и миндальными рощами и садами фруктовых деревьев. Легкие яхты скользили мимо мраморных дворцов, останавливаясь у многолюдных пристаней, полных кофейнями, лавочками с фруктами и легким вином. За маленькими чистыми столиками сидели разноцветные женщины, похожие на цветы в своих ярких платьях и мужчины в странных неудобных костюмах с твердыми ошейниками. Они ели пирожные, фрукты, жир и сахар и поглядывали на полуголых самок на пляже внизу. Здесь же около группы изящных легких зданий медленно копошились такие же полуголые люди, едва способные двигаться: они были слишком толсты. Несомненно это была лечебница для ожиревших. Они лежали на солнце, вытапливая сало, и читали курьезные бумажные газеты с десят-

ками страниц. Один из них, белый и страшный урод одолел, кажется, все это огромное сочинение с начала до конца. Там, наряду с рисунками разных яств, я видел снимок с того света, с людей из мертвых сел. Толстяк прочел газету, отложил в сторону и повернулся на другой бок. Он был спокоен, мистически спокоен!.. Меня тошнило.

Еще два раза я наудачу повернул винт. Вдоль исковерканной дороги мчался чудовищно дезорганизованный отряд. И здесь же у плетня огорода, на какой-то тряпке, валялся крошечный мальчуган, одетый в необыкновенно короткую смешную рубашонку. Я приблизил его так, что он занял почти все поле зрения. Он задрал кверху свои крошечные ножки, подобные корявым побегам карликового деревца, и старался уцепиться руками за их пальцы. Не было никакой возможности разглядеть его лицо, ставшее сплошной сияющей улыбкой, экстазом первобытного счастья распускающегося бытия. «Вот жизнь, которую любит Везилет!» — думал я.

В ста ярдах, у опушки леса, так же безудержно веселились взрослые. Они вели хоровод вокруг пня, где сидел иначе, чем они, одетый человек с красной пятиугольной звездой на лбу (символ завоевателей пяти материков), словно черные у котла с человеческим мясом. И вдруг я увидел лицо, искаженное таким нечеловеческим страданием, таким ужасом, что я сам завыл в безумии, словно меня тоже посадили на кол.

— Нет, — закричал я, дрожа от начинающегося нервного припадка, — нет, я не покажу этого Везилету!

Мне было стыдно, что в моей комнате я нашел такую дрянь.

Я быстро встал и опять захотел выбросить Голубой Шар, ставший совсем тусклым при свете начинающегося дня, но мой взор скользнул по моей комнате, по различным обыкновенным предметам и я замечательно быстро успокоился. Я даже улыбнулся.

— Стоит волноваться. такая мелочь!

И как мы бросаем последний презрительный взгляд в темный угол, где вместо почудившегося призрака оказы-

вается грязное белье, так я с искривленными губами, в последний раз взглянул на Землю.

Предо мной волновалось беспредельное поле злаков. Я смотрел на обещавшие новую жизнь золотые волны и мой дух постепенно очищался от раздражения и невечных мыслей. Я вспоминал другие волны, неизобразимое смятение текучих людских масс на улицах удивительного города, странно многолюдного центра среди пустынных северных равнин. Тогда я не понимал отдельных поступков, но общий смысл творимой жизни был мне ясен. Рвались невидимые цепи, как сон исчезало старое и, в душах потрясенных великим порывом, рождались надежды с новой зари начать новую, совсем другую, лучшую жизнь. О, я знал судьбу этих надежд! Все было открыто мне, потому что мой дух погрузился в транс безграничного созерцания, высшего равнодушия, потому что я стоял на краю великой тайны. Может быть, я заразился чем-то от Земли, но я уже без содрогания вспоминал алые пятна на белом снегу, радостные лица идущих мимо мертвых и думал: «Иногда течет много крови, иногда мало, — не все ли равно?» Прошли века, настало время другим расам плясать под скрипку миссурной смерти. Седая древность встала из могил. Снова загорелись костры и запахло человеческим мясом. Но ураганы проходят. Являются гении; мир становится прекрасным. И только дух человека изнывает в своем величии и ничтожестве и мчится все дальше, и где бы он ни был, пред ним неизменно, везде расстилается Бесконечность. Бесконечность пространства, бесконечность греха, бесконечность грозная, как старинный бог.

Жизнь! Вот целую ночь я жил другой жизнью, но разве она не «одна во всем», как говорит Везилет?

Я был царем и, томимый скукой, убивал проклинавших меня, потому что я был мудр и думал о величии, непонятном звериному народу. Я был рабом и мне ничего не надо было, кроме маленького клочка пахотной земли, но непонятная сила врывалась в мой дом, насилывала моих жен, вводила меня с собой и я проходил тысячи мер, убивал и мучил, повинуюсь враждебной воле, и сам мучился

от постоянного ужаса. Я был избранником народа и казнил деспотов и вождей черни и толпа ликовала вокруг их виселиц. Я был преступником, мне вырывали ноздри и приковывали к огромному веслу и я должен был двигать его взад и вперед все дни моей жизни. Если я останавливался, плеть надсмотрщика врезалась в мою спину и снова я напрягал разорванные мускулы, пока мой труп не выбрасывали в море.

И кем бы я ни был — убийцей или пророком, во мне осуществлялась одна и та же бесконечная Жизнь. Иногда я возмущался против нее и не хотел играть роли, какую она мне предназначала, я уничтожал ее, но все-таки любил и ненавидел только те сердца, зловоние от разложения которых подобно аромату тяжелых пахучих смол в сравнении с тем, какое они распространяли, когда бились.

Женщина была на моем пути и если я любил ее, я был бесстрашен и побеждал всех. Миллионы лет сменяли миллионы, а Жизнь однообразная, как морские волны и как они же, неповторяющаяся, длилась стихийно, победно, безнадежно. Всегда, всегда я подчинялся ей, подчинялся даже в самой смерти, но теперь я устал и хочу знать, что же Я — смертный Риэль в ее торжественном бессмертии. Я хочу знать. Я хочу знать!..

VI.

Я откинулся на спинку сидения и кажется был бы рад лишиться сознания. И ничего мне не надо было, и ничего не было жаль, и хотелось только без конца спокойно вдыхать чистый утренний воздух, словно мои легкие в самом деле были отравлены ядовитыми газами Земли. Я слишком устал от безмерно увеличенных пространств и странных миров. И постепенно возвращаясь к жизни, я стал испытывать ту светящуюся радость, что овладевает всеми вернувшимися после далекого страшного путешествия. Луч солнца, яркий, желтоватый, теплый проник в комнату. Как хорошо! Я быстро подошел к окну и стал смотреть на пробуждающийся город. Золотая вуаль волновалась предо мной и сквозь нее нежнее казались очертания зданий, залитых могучим ровным светом. Нежные туманы бесшумными лавинами катились с гор, таяли, поклоняясь солнцу, и в полусонной неге обращались к нему неисчислимыи зеленые побеги, — первенцы жизни. Ветка вьющегося растения достигала моего окна и на ней колебался, простираясь ко мне, единственный огромный белый цветок. Я коснулся его влажных лепестков болезненно пылающими губами и вдруг открыл в себе совершенно новое наслаждение: в первый раз я испытывал гордость от мысли, что живу в таком прекрасном мире. Вдыхая изумительный аромат, я приветствовал красоту Лоэ-Лэле и жадно смотрел на цветущие лица, на веселых школьников, похожих на белых птиц, гонявшихся за неуклюжими громадными платформами, везшими холмы зеленых, желтых, оранжевых и красных плодов; я ликовал, когда быстрые корабли, как легкие рыбы, мелькали в легком океане неба, и хотел даже немедленно принять участие в этой светлой жизни в воздухе, но потом решил, что мне все-таки надо уснуть.

Я лег и стал грезить о том, что в этот день я пойду рука об руку с Гонгури, последней из Ороэ, во главе велико-лепной процессии в сумрачную громаду центральных зал

Дворца Мечты. У меня возникла также мысль изобрести способ вмешательства в жизнь маленькой планетки. «Люди будут ходить с поднятыми лицами и кричать, жмурясь от счастья: “Освободитель! Освободитель!..”. Голубой шар мы поставим вместе с древними реликвиями Храма Сторы и поколения Генэри будут изучать новое человечество и его мир от самой их колыбели». Так мечтая, я постепенно погрузился в обыкновенные обрывки мыслей и образов засыпающего человека, в глазах замелькали изменчивые фосфены, словно мягкие цветные хлопья, и я утонул в них, теряя сознание. И все время мне снился громадный глаз, смотревший на меня из высшего пространства.

Чей-то веселый голос звал меня и я проснулся.

Мне показалось, что это Нолла будит меня ранним утром среди сверкающих снегов Паона. Я открыл глаза. Солнце светило мне в лицо, а на экране пред собой я увидел смеющуюся Гонгури. Я хотел только на миг закрыть глаза, но мелькающие фосфены снова закружили меня и я заснул. Гонгури разбудила меня поцелуем. Нет, я не помню, когда кончился сон и началась жизнь в этой всеобъемлющей волшебной нежности!

Я рассказал Гонгури о своей любви и о нашей первой встрече над берегом моря.

Потом я бросился в холодный фонтан со смесью воды и хвойных эссенций, оделся и, взявшись за руки, мы пошли вместе.

Весь мир сверкал в этот праздничный день как разнообразные кристаллы и мною все сильнее и сильнее овладевала кристалльная влюбленность, звавшая к чему-то иному, чем земная любовь.

Мы шли, как повелевал древний обычай, по Звездной улице до самого Дворца Мечты. Я помню, что идти было очень легко и воздух был неизъяснимо приятен. Тысячи генэрийцев тоже опустили в этот день на землю и окружили нас шумным кольцом. Отовсюду я слышал мое имя: «Риэль, Риэль!» И громадное знамя на фронтоне Дворца Мечты трепетало надписью: «Риэль». Тогда, в первый раз, я подумал о существе, высшем чем я, смотревшем на меня

и мою страну так же, как я смотрел на Землю. Мое сердце забилось сильнее, но все, кто заметил, объяснили это волнение совсем другими причинами. Между тем невидимые инструменты где-то высоко над нами исполняли гимн Сторы.

— Ave Maria, — прошептал врач. Гелий не слышал.

— Стора — девушка, отдавшая свою жизнь ради крупицы знания. Этот полуполюгендарный эпизод тоже связан с именем Неатна, основателя Союза Побеждающего Духа. Не помню, для разоблачения каких замечательных тайн ему понадобилось наблюдать живое, бьющееся человеческое сердце. Я знаю лишь, что Стора согласилась на этот опыт и не перенесла его. С тех пор ее имя стало торжественным символом и почитание ее превратилось в культ.

Воспоминания о Сторе, туманная музыка, наполнявшая душу хаосом возносящих экстазов, ощущение бесплотности после бессонной ночи, необыкновенные впечатления и мысли, легкое головокружение и нездоровье превращали меня в какое-то совсем особенное существо. Мое тело двигалось, словно повинуюсь посторонней воле, — может быть, нежной силе лучшей из всех девушек, шедшей рядом со мной, а я испытывал безграничное желание совершить что-нибудь превосходящее все поступки мира трех измерений, жажду красоты необычайной. И не было для меня невозможного, только не знал я, что же такое волнуется во мне, что за образ милый такого далекого, такого родного.

Подавляюще грандиозный возник пред нами Дворец Мечты. Сумрачный вход казался узким на залитой солнцем ослепляющей белизне фасада, но, может быть, более ста человек в ряд вошли, не потеснившись, в громадное ограниченное пространство, где каждый звук замирал в отдалении. Подавляюще грандиозный терялся в голубоватом тумане свод и там еще громче и торжественнее лилась прекрасная музыка. И под самым центром в невидимой высоте брошенного купола стояла статуя Сторы и простирала к источнику мира свое сердце, излучавшее неизъяснимо яркий рубиновый свет. Величественно высокий Везилет под-

нялся на возвышение у ее ног и заговорил, обращаясь ко мне. Он говорил о красоте творческих стремлений, о том, как они зарождались на заре человечества, сначала случайными вспышками, сначала в играх первобытного дикаря или ради его жестоких нужд и, наконец, разгорелись в яркий пожар независимой страсти, приведшей нас к величию. Он говорил о страданиях, так хорошо известных всем нам — они были неисчислимы и все-таки бессильны! — о желанных страданиях творчества и прославлял даже отречение от радостей жизни, если так велит возвышение, — он говорил только давно знакомые фразы, но они звучали во мне подобно гимну Сторы. Потом он простер надо мной и над стоявшими около меня правую руку и я прочел на черном мраморе пьедестала слова мистической клятвы Неатна.

«Есть много прекрасного в мире, но прекраснее всего Истина и сильнее всего.

Это солнце немеркнувшее!

Это великая страсть, сжигающая души!

Живите так, чтобы она всегда сияла перед вами и жизнь свою отдайте ради Нее.

И демоны будут побеждены, когда вы поднимете Ее факел.

И если бы даже ангелы преградили вам путь — не смущайтесь, ибо истинно говорю вам, будете тогда как боги!»

Молча, среди полного безмолвия, я преклонил колена. Тогда Везилет опустил на мои плечи нить черных жемчужин с рубиновым сердцем и потом все подходили ко мне, целовали в лоб и выражали любовь, наполнявшую их сознание.

Этот день был очень утомителен для меня, отвыкшего от людей. Меня хотели видеть во всех городах и я долго стоял перед экраном, выслушивал приветствия и говорил одно и то же, созерцая мелькавшие лица. Я был недоволен. Гонгури оставила меня и все время я изумительно ясно представлял себе, что на меня смотрит глаз существа высшего мира и опять мной овладевала безграничная жажда совершить, нечто столь прекрасное и безмерное, чтобы тот, дру-

гой, великий Риэль сразу увидел во мне брата и не мучился от пороков нашей жизни, как я от жизни страшных дикарей Голубого Шара. Только что же мне сделать, что сделать?

Тогда, кажется в первый раз в эти годы, я внезапно вспомнил о Рунут, о Сэа, о безмятежном спокойствии Танабези. Я вызвал Рунут и попросил ждать меня в нашем старом саду, у здания моей детской школы.

Я поднялся очень высоко и летел омытый теплыми жесткими струями урагана, радуясь, что жизнь так далеко от меня. В течение двух часов в моем сознании не было ничего, кроме холодной выси неба, солнца и улыбки.

К вечеру я мчался над Танабези. Какое-то новое болезненное беспокойство возникло в моем сердце и город остался позади. Потом, усилием воли, я заставил себя вернуться; но прежде чем передвинуть диафрагму изолятора на падение, я снял черный жемчуг с рубином.

Рунут встретил меня в аллее магнолий у бассейна из яшмы и вьющихся роз и мои глаза едва не наполнились слезами. Мы говорили о последних работах Рунут и о значении моего открытия, о нашем прошлом и наших планах и, загораясь знакомым пламенем, я терял ощущение плоти от неведомого блаженства. И волна его достигла высочайшего взлета, когда рядом с нами очутилась Сэа. Рунут, чтобы не беспокоить меня, сказал обо мне только ей. Сэа была прекрасна, но то была другая красота, чем Гонгури и я понял, что стал больше чтить ее. Сильное тело, взгляд могущественный и нежный и над всем, словно невидимый ореол, целые тысячелетия страсти и грез. Можно было любить кого угодно и в то же время поклоняться Сэа, как стихии. Она говорила, что однажды пыталась увидеть меня, но генэрийцы, варвары, с ужасом заметили ей, что никого нельзя отвлекать от работы в лабораториях. Так мы болтали, любуясь, пока диск моего браслета не стал оранжевым — цвет восьмого часа. Сэа звала меня на великолепные игры, где будут все мои прежние друзья, но я мог только обещать ей вернуться на следующий день. Я долго

следил за ней, когда она парила над нами и в моей душе были ясность и печаль.

— Завтра у вас опять торжество, — проговорил Рунут, едва заметно усмехаясь. — Память Неатн!

Он остановился и продолжал с какой-то скрытой мыслью, стараясь повлиять на меня.

— Да, разумеется, Неатн — гений во всем, начиная с психологии и теории болезней и кончая его поэзией, но все-таки он чудовище, Риэль! Это самый мрачный из всех умов.

Я слушал рассеянно, но меня поразила одна странная подробность. Умиравший Неатн, близкий к той черте, где бесконечность гениальности переходит в бесконечность безумия, велел своему ученику Дею каким-то неведомым способом препарировать его мозг. Дей исполнил желание своего учителя и с тех пор мертвое вещество засияло с непонятной постоянной силой.

Внезапно я почему-то вспомнил Голубой Шар и ночные кошмары снова овладели мной с потрясающей силой.

— Ах, — заговорил я, — как бы мне хотелось явиться между ними и смести лучами смерти и тех и этих, и тех и этих! Черные, Белые, Коричневые, Желтые, — тысячи, миллионы шли для этого! Они умели говорить, но у них не было воображения. Я погружался в прошедшие века и в будущие, — все становилось расчетливее, но убийств совершалось больше. О как можно так быть! Как можно, когда все это здесь, рядом, как можно.

Я взглянул на Рунут и вздрогнул. Это действительно было безумие.

— У тебя опасный бред, Риэль, — услышал я слова, — и я хотел бы, чтобы ты остался со мной. Нельзя безнаказанно в несколько лет молодости совершать работу целой жизни. Если бы ты остался у нас, ты не прятал бы своих грез, мы все трудились бы вместе с тобой и человечество приобрело бы идеи твоих изобретений и твои открытия закономерно и безболезненно; но в Лоэ-Лэле с ее культами, празднествами, индивидуализмом и громадным гипнозом ты был только рабом страсти более сильной, чем твоя во-

ля. Ты мог бы стать таким же счастливым, как Сэа и потом таким же, как я; а теперь разве ты счастлив?

Так говорил Рунут серьезно и нежно, и казалось, весь громадный светлоглазый Талла стоял за ним в своей лазоревой одежде. Ясные взоры были устремлены на меня и обличали ласково, как взоры ангелов тех, кто вернулся, но все же видели ад. Я не должен был смотреть на Землю, да же знать о таких преступлениях — грех.

В те минуты я был подавлен и безличен и потому соглашался с каждой сильной мыслью. Я обещал Рунут вернуться в Танабези или, по крайней мере, как можно чаще бывать у него.

— Только не теперь,— добавил я невольно. Я рассказал о Гонгури. Рунут немного успокоился, но вероятно его надежда исчезла в тумане подсознательных тревог так же мгновенно, как мое тело, брошенное слишком нервным движением в облака, озаренные пурпуром и киноварью заката.

Ждала ли меня Сэа, не знаю.

Может быть, я неверно передам впечатления этого вечера, потому что я был рассеян и мой дух витал в других сферах. Я вижу сквозь дым гениев Ороэ, собравшихся в огромном зале, фантастическом и прекрасном и мое бледное сияющее лицо, отраженное зеркалами, полулежащую Гонгури и ее голову на моем плече и легкие, как воздух, светящиеся шары, бесшумно блуждавшие между нами. Невидимые автоматы приносили нам розы и фрукты и сок Аоа, опьяняющий и чудесный. Невидимая звучала музыка и вдруг все затихало под очарованием мерной речи.

— «Ах, что бы мне сделать, что сделать?» Юноша поэт, светлоглазый Акзас, влюбленный в Гонгури, подошел к нам улыбающийся, бледный и я услышал его напряженную декламацию, отрывок из той же старинной поэмы «Ад», которую я так часто вспоминал, смотря на Землю. Я не могу передать этих страшно сильных слов гения. Вот бледный намек.

— Тогда настала тьма. Я ввержен был
В холодное бескрайнее пространство
И пустота рвала мне грудь и душу;
Осталось только тусклое страданье,
Такое скучное, что показалось
Миллионы долгих лет прошли, когда
Часы отметили одну секунду.
Я это знал, промолвил я с тоскою.

Туманные мрачные строки внезапно напомнили мне, что я еще никому не говорил о моем последнем самом великом открытии. Быстрым взором памяти я пробежал земные картины и опять мне показалось, что я прожил годы в ту изумительную ночь.

Акзас продолжал декламировать.

— Молчите,— сказал я непривычно резко, — что ваши стихи? Хотите, я покажу вам настоящий ад!

Мгновенно наступила тишина.

Тогда я рассказал о странном человечестве, найденном мною в голубом флуоресцирующем шаре. Я не удержался и рассказал о многих земных видениях, за исключением слишком нестерпимо стыдных и, наконец, простирая руку к темному куполу неба, заговорил о самом поразительном — о возможности великого Риэля иного мира, созерцающего нас из непредставимых бездн. Те существа, быть может, настолько же превосходят нас, как мы карликов частицы Голубого Шара; может быть, они вовсе не зависят от стихий, может быть, их души непосредственно общаются друг с другом и они обладают нечеловеческой способностью познавать сущность вещей.

Я говорил, и те образы, какие я вызывал, действовали на высокие души так же, как они раньше действовали на меня, и только Везилет погрузился в совсем другие мысли.

— Прекрасно, Риэль! — сказал он наконец.— Я давно утверждал, что поток жизни более безграничен, чем мы думали, и теперь ты доказал это. С каждым взмахом маятника создаются, развиваются и умирают бесконечные бездны миров. Всегда и везде таинственный процесс жизни прет-

воряет в себе низшие, обесцененные формы энергии, вечно сражаясь с холодным призраком энтропии, — с призраком безразличного, мертвого пространства, всемирной пустоты, где нет даже миражей лучшего будущего. И над всем главенствует мысль. Мы еще не знаем ее действительной силы, — может быть, она зажигает солнца! И вот Риэль открыл, что она вездесуща. О, как это прекрасно!

— Я обещал показать вам Ад,— сказал я, обращаясь к Акзасу.

Его губы с легким атавистическим пушком как у Марта сложились в улыбку. Я знал, что он не был из числа Ороэ и едва ли не принадлежал к ничтожной враждебной секте «Хранителей Тайн». Это меня волновало.

Гонгури, Везилет и еще несколько человек последовали за нами.

Мы летели над Звездной улицей. Была ночь. Какая ночь! Огненные потоки извивались по контурам зданий и весь город походил на застывший фейерверк. Грани вершин Дворца Мечты бросали чистейшие лучи фиолетовой части спектра, такие мощные в своих элементарных тонах, каких нигде никогда не бывает в мире. Сияющие корабли внезапно отделились от плоских крыш, поднимались, ускоряя полет, реяли и мелькали, как метеоры. И в то же время была тишина. Только низкий тембр огромной жизни и отдаленная музыка едва касались сознания и трудно было отличить, где кончалась музыка лучей и начиналась музыка струн. Мягкий влажный ветер наполнял грудь своим космическим блаженством. С другой стороны, над морем, ночь была одета в мистическое вечное небо. Звезды над океаном всегда особенно прекрасны. Некоторые из них были так ярки, что от них струились отражения, как от маяков. Огромная желтая звезда, помню, называлась «Неатн». И словно туманное предостережение, на северо-западе, где кончался Звездный Путь, едва-едва вырисовывался громадный темный массив морских скал, переходивших далее в горы, и там на самом конце каменного мыса волшебный силуэт дворца Лонуола. Он весь был покрыт светящимся веществом и горел ровным голубым светом, отражаясь в

зыби океана, живой и воздушный, как сказочный дух. Гонгури держала меня за руку и тихонько импровизировала бессвязно и чудесно. Полет! В нем был странный нервоз наслаждения. В стране Талла были города с движущимися улицами, где люди могли вовсе не летать.

Везилет говорил мне что-то, но я не обращал внимания, пока его резкое странное восклицание не вывело меня из задумчивости.

— Мозг Неатна! Риэль, неужели ты не знал? Ах, ты родился в стране Талла!

Мы спустились в той самой комнате, где я начал свой день. С изменившимся лицом Везилет смотрел на статую мыслителя и на Голубой Шар, вырванный мной из ее руки.

Так вот о чем говорил Рунут!..

— Электроны света в его мозгу... мир... мозг... непонятно, — вдруг забормотал врач.

— Что с тобой, Митч? — смугился Гелий.

— Так, я вспоминаю свою фразу во время твоего сна.

— Ты хочешь сказать?

— Продолжай. Я заинтересовался этим странным отражением моей мысли: «Мир... мозг... непонятно», — Мир-мозг Неатна!

Гелий побледнел.

— Как раз в тот же момент, — заговорил он, — с ужасающей резкостью, я впервые проникся безмерностью вставшей предо мной загадки: может быть, ничего не было, может быть, сон?.. Везилет в нескольких словах рассказал мне, каким образом светящийся шар очутился в руке каменного мыслителя, и, волнуемый совсем особенным любопытством, поднялся к окуляру моей машины. И вдруг остановился: и все внезапно замерли и умолкли.

В окне стоял человек, одетый в простую одежду черного или скорее темно-серого цвета, откуда еще резче выделялось его бледное невиданное лицо. Он помедлил несколько секунд, взглянул нам в глаза и его черты отразили спокойствие и рассеянность какого-то почти божеского всеведения. Это был Лонуол. Его движения были медленны и

так страшно уверены во всей их необычности, словно не воля, а сверхъестественная необходимость двигала его тело. Он подошел к Голубому Шару, медленно поднял тонкую серебряную трость, раскаленную на конце током, и коснулся его поверхности. Изумительное вещество мгновенно вспыхнуло огромным розоватым пламенем и скоро от него остался только чад.

Когда я очнулся от гипноза, Лонуола уже не было. Некоторые части моей машины оказались испорченными и наблюдения стали невозможны. Мы стояли подавленные смущением. Только Акзас оставался странно безучастным. Он подошел ко мне и спросил заученным тоном: «Уверен ли ты, Риэль, что все, о чем ты рассказывал, не приснилось тебе прошлой ночью? Вспомни, — ты очень утомлен».

— Я думал об этом,— ответил я.

Везилет бросил на меня короткий тревожный взгляд и подошел к окну, где неподвижно стояла Гонгури, смотрящая на звезды. У меня кружилась голова. Впервые я не только мыслил, но воистину ощущал бесконечность. Может быть, также причиной головокружения был чад, оставшийся после сгорания шара; кроме того, меня мучило представление, что я вдохнул именно ту частицу газа, где находилась Земля.

Я неслышно вышел из комнаты, унося в себе какое-то смутное решение. «Я клялся жизнь свою отдать ради стремления к Истине», — звучало в моем горящем мозгу, — «так что же мне сделать, что сделать? Долго и тщетно старался воплотить волновавшие меня переживания. Потом внезапно я увидел свет, подобный мысли Архимеда, когда он воскликнул: «Эврика»!

— Разве есть понявший душу,— прошептал я.

— «Разве есть понявший душу!»

Я пошел быстрее и скоро очутился в моей любимой черной комнате. Ее стены образовывали восемь углов, причем наружная из них, с огромным окном, не была параллельна противоположной. В глубине со звоном падали светлые струйки воды и блики света и звуки тонули в мягких поверхностях черной материи. Мраморные статуи в нишах

казались летящими в темноте и между ними качался, сияя золотом, диск маятника. «С каждым взмахом маятника возникают, развиваются и умирают бесконечные бездны миров», вспомнил я слова Везилета. В трех плоскостях: на потолке и на противоположных стенах, заключались три зеркала. Я заглянул в их призрачные пространства и увидел там себя — странно изменившийся образ, радостный, почти нечеловеческий. «С каждым взмахом маятника, думал я, жизнь осуществляет свое великое назначение и скоро я постигну его и постигну, что же я — Риэль в этой вечной смене существований. Я клялся жизнь свою отдать ради достижения истины и потому, подойдя к торжественно звучащим часам, достал из маленького ящичка, вделанного в них, заветный пурпуровый яд.

— Риэль! — позвала меня Гонгури.

Я спрятал драгоценное вещество и пошел ей навстречу.

— Риэль,— говорила она с трогательной женской заботливостью, — ты нездоров, тебе надо принять лекарства и отдохнуть.

— Да, я очень устал, Гонгури, я хочу полного большого покоя,— сказал я.

Мы подошли к окну и я продолжал.

— Ты видишь, пред нами этот сад с темными силуэтами деревьев, дальше ты видишь горы и представляешь море и наш город и, наконец, более смутно, весь наш обширный мир с его великим человечеством, его гениями, любовью, красотой. Выше! Скоро Лоэ-Лэле превратится в неясное пятнышко, потом обрисуеться громадный контур нашей планеты. Выше! Наш мир перестал существовать для нас; о нем осталось только странное воспоминание. Мелькают звездные системы, косматые туманности, остывшие солнца, и потом нас окружает безмерная пустота. Дальше! Звезды сближаются в поле нашего зрения и скоро вся видимая вселенная становится маленькой ограниченной кучкой яркой пыли. В отдалении появляются другая, третья, множество таких же звездных скоплений. Мелькают миры, исчезают в перспективе, словно разнообразные предметы, когда быстро летишь невысоко над землей и смот-

ришь назад. Дальше! Звезды наполняют видимое пространство, оно начинает казаться более плотным и, наконец, превращается в маленький шар, излучающий бледно-голубой свет. На мгновение мы теряем сознание и потом вспоминаем, что мы здесь, в Лоэ-Лэле. Ничто не изменилось. Пред нами тот же сад, полный цветов, вдали горы, где-то должно быть море, дальше — город и весь остальной, неподвижный громадный мир. А вверху небосвод, полный прекрасных неподвижных звезд, — тоже неподвижных для нас. Я устал, Гонгури, от этой подавляющей бесконечности, от бесконечности возможностей, от невозможности бесконечности постижения.

Я замолчал. Тогда заговорила Гонгури. И она медленно перебирала мои волосы, словно хотела заставить незаметно уснуть и потом очнуться сильным юношей, забывшим странные мысли и порывы. Она говорила, что она начинает ненавидеть образы, какие занимали мое воображение, так как они отнимают меня у нее.

— Ах, Риэль! — звучала тревожная речь Гонгури, — логика нашего разума часто уступает другому источнику познания. Я верю, я знаю, что мир прежде всего прекрасен, чарующе прекрасен! Риэль, милый Риэль, поверь мне, что твоя ужасная планетка только сон, только кошмар.

— Да, — прошептал я.

— Забудь о нем, пока ты болен. Утром мы полетим с тобой вместе на поля, где растут лилии долин, и в рощи Аоа. Мы будем смотреть на радуугу в брызгах водопада и ловить колибри, не боящихся людей; потом мы поднимемся выше изменчивых облаков и быстрый полет среди чистых просторов, океан и солнце, рассеют в тебе беспокойные миражи души. Природа прекрасна, Риэль, — жизнь прекрасна, Риэль!

Она умолкла, чтобы поцеловать меня.

— Жизнь прекрасна, — повторил я, думая о другом.

Забываясь в ярких эдемах, мы сидели, обнявшись, на пушистой шкуре черного зверя. Иногда я начинал дрожать от странного волнения и это беспокоило Гонгури.

— Пустяки, — сказал я, — то лишь влияние бессонной ночи и усталости; сейчас я приму успокаивающего лекарства и все пройдет.

Тогда я вынул частицу пурпурового вещества и проглотил ее. Потом я выпил воды и действительно совсем успокоился.

Мы говорили о красоте и величии жизни, о любви и цветах, растущих на великолепных склонах гор.

Без всякого страха, как настоящий сын Ороэ, я созерцал в себе влияние яда. Я ощущал, как постепенно безболезненно умирает мое тело и, заботясь, уносился в сияющие выси. Скоро Гонгури заметила неестественный цвет моего лица и замедленное биение моего сердца. Она быстро осветила комнату и, взглянув мне в лицо, поняла все.

Для меня переставало время.

В дверях появился Везилет и спросил: что случилось, Гонгури? — какая-то тревожная мысль, соединенная с твоим образом, проникла в мое сознание и я подумал, не произошло ли несчастья?

— Он уходит от нас, — ответила Гонгури. Везилет быстро подошел ко мне.

— Одно слово, Риэль, — начал он.

— Разве есть понявший душу, — возразил я, зная, что мой аргумент неотразим.

Везилет замолчал и потом тихо спросил, когда я принял яд.

— Около часу тому назад, — ответил кто-то — я или Гонгури.

— Слишком поздно!..

Гонгури не отходила от меня и по ее щекам спадали слезы, когда она слушала мой бред о царстве кристального духа. Комната беззвучно наполнялась людьми. У них были поникшие головы и, помню, я старался утешить их, не понимая их скорби.

Я закрыл глаза и лежал неподвижно.

Вдруг я услышал голос Ноллы и других светлых духов.

— Риэль, бедный Риэль, — говорила она, — мы не можем тебя взять с собой, потому что ты убил себя.

Внезапное смущение заставило меня в последний раз полураскрыть глаза. Гонгури плакала.

— Риэль, бедный Риэль, — едва слышно повторял Везилет, — он не знает, что самоубийство не может раскрыть ни одной тайны.

Вдруг мне показалось, что это не Везилет, а Лонуол.

Я пытался ответить ему, но не мог, и стремительно погружался в странное состояние сознательного небытия, полного мерцающего света и шума. Так длилось вероятно очень много времени, пока наконец я не вернулся сюда, где я теперь, Гелий-Риэль, в непрестанном страдании должен вернуть потерянное величие моего духа.

VII.

Гелий замолчал, но вызванные им образы продолжали заполнять сознание обоих пленников. Черные от грязи стены одиночки превратились в черный бархат дворца Риэля, и Гонгури все еще плакала над его трупом. Везилет развивал цикл идей, навеянных смертью, светлую веру Генэри, почти знания, покоившегося на исследованиях высочайших форм энергии: Сознания, Мысли, Я. Каждая жизнь борется со Смертью, дух человека возносит эту борьбу до крайних пределов и, достигая высшего возможного в нем совершенства, воистину создает и становится частью этого Несказанного Центра, что на бедном земном языке может именоваться только Божеством. Поэтому насильно разрушающий жизнь не находит желанного Света, а погружается в забвение нового существования, повторяя его борьбу, страдания, страсти.

Гелий сидел откинувшись к полосе лунного сияния. Наконец он глубоко вздохнул, как будто все еще не освобожден от гипноза и сказал, поднимаясь:

— Чудовищно!

Он взглянул кругом на камень и железо и продолжал.

— Чудовищно: я прожил целую жизнь в эту ночь! Что же это было, доктор? Что это, сон или жизнь? Где кончается жизнь и начинается сон?..

В ответ снова наступило молчание. Врач был потрясен случившимся. Этот быстрый рассказ, полный самых невероятных представлений, казавшихся такими возможными в спокойной глубине мысли Гелия, еще полнее раскрыл перед ним его любимую фантастическую душу. В других условиях она могла бы расцвести новыми волшебными огнями творчества, а здесь всем этим огромным образам грозила гибель. Его тревога возросла до бреда. Он едва сдерживался.

— Да, — заговорил он наконец, докуривая последний табак, — конечно, это сон, потому что все это — твоя душа, Гелий. Душа, которая все время жила в грезах и все время

соприкасалась с чудовищным миром. Едва она сосредоточивалась на видениях лучезарной жизни Страны Гонгури, как вдруг ее окружал хаос снегов и дебрей Паона, Санона, Саян. Человек высшей расы в шалаше среди дикарей и выюги — это олицетворение нашей судьбы. Лишь только тебе удавалось остановиться над творческой работой, в Лоэ-Лэле или в Сан-Франциско, как вдруг внешняя сила снова низвергала тебя с высот мысли в пропасть жестоких войн и нечеловеческих походов. Все это ты, во всем твоём рассказе я вижу только тебя. И т. к. ты спал под влиянием внушения, то я невольно влиял на тебя, мое бормотанье вызывало в тебе мои мысли; так, ты дословно повторил слова, произнесенные мною: «Разве есть понявший душу?».

— Не может быть! — прошептал Гелий.

— Нет, это правда.

Гелий взял его за руку.

— Митч, — сказал он, — усыпи меня еще раз, и прикажи запомнить все, все. О, как живо это впечатление реальности, эти горе, любовь и радость, это желание сделать какое-то маленькое усилие, пролететь ничтожное пространство и увидеть пред собой Гонгури, или ждать: она придет и пропадут сомнения, исчезнет боль. Митч, я не могу, я хочу знать!

— Да, мой милый друг, только не сейчас. Мы выйдем на волю и если победят наши, то... а если нет, мы вернемся на берег Тихого океана; я буду добывать средства практикой, а ты будешь воплощать свои грезы.

— Пустые грезы, Митч! Нет, не надо грезить. Вокруг нас мчится победоносная жизнь. Пальмы качают листьями на коралловых рифах, теплые волны шелестят галькой, моя девочка потягивается от наслаждения, когда ее распеленают, студенты устраивают прогулки за город и у каждого из них есть своя лучшая из всех девушек. А Гелий-Риэль сидит в клетке и у него нет сотой доли той силы, чтобы ее разрушить!.. Нет, Митч, довольно. Я готов. И я не боюсь смерти. Один раз я уже умирал молодым.

Гелий осторожно подошел к окну. Поздняя луна всплыла из-за соседнего корпуса, как будто вздрогнула, взглянув

в его глаза, и потом медленно поплыла к горизонту, побледнела и задумалась, как лицо Лонуола.

Он вернулся и лег на нары. Врач по-прежнему неподвижно сидел напротив, глядя в пространство. Через некоторое время Гелий невольно погрузился в забвение. И ему снился громадный глаз, смотревший на него из непредставимых бездн. Он проснулся с безумно бьющимся сердцем. Прямо в его лицо, как сверхъестественный глаз, смотрело желтое солнце. Комната была полна людьми. Впереди стоял молодой чешский офицер, белобрысый, розовый и свежий. Около самых дверей нерешительно мялся седой, бритый, жирный джентльмен в круглых очках с черепаховой оправой, одетый в однотонное хаки. В нем без труда можно было узнать современную разновидность миссионера и филантропа. Комендант скомандовал встать. Никто не шевельнулся. Чех скверно выругался.

— Это большевики? — вполголоса спросил американец у своего переводчика и вдруг получил быстрый насмешливый ответ на родном языке от грязного молодого арестанта, продолжавшего лежать на нарах:

— Да, они самые, Sir, «Made in Russia».

Последовал стереотипный удивленный вопрос:

— Где вы учились по-английски?

Гелий приподнялся. Его лицо потемнело.

— В гаванях, в кабаках, на море, мистер, всюду, от наших братьев, которые когда-нибудь свернут шею.

Гелий внезапно замолчал, взглянул на врача. Он сидел на прежнем месте, по-видимому, он не двигался всю ночь и, ухватившись руками за доски нар, напряженно всматривался в лицо американца.

— Так, так, — пробормотал тот.

— М-р Мередит! — воскликнул врач вставая. Американец застыл от изумления. Он снял очки, протер шелковым платком цвета хаки круглые стекла и надел снова. Ему обещали показать настоящих большевиков, самых отъявленных из преступников, и, вдруг, его называют по имени! Это было хуже землетрясения.

— М-р Мередит, — продолжал врач, — вы меня не уз-

наете? Вспомните, когда-то мне пришлось спасти вам жизнь.

— М-р Митчель! — в свою очередь произнес американец сдавленным голосом.

Он не знал, что ему делать, но все же протянул руку.

— Как вы сюда попали, во имя Бога?

— За свои убеждения, разумеется. М-р Мередит, я знаю, что вы близки к господину генеральному консулу, у меня есть к вам единственная просьба.

— Да, да, конечно, — оживился американец, — я похлопочу за вас.

— Нет, вы меня не поняли; мне не угрожает никакой опасности, я говорю о нем. — Врач показал на Гелия. — Вместе с другими тридцатью шестью он приговорен к смерти больше месяца тому назад. Приговор до сих пор не приведен в исполнение, потому что военная клика еще трусит, но они выжидают случая и они беспощадны. М-р Мередит, помните, во время европейской войны, мы встречались в нашем клубе на заседаниях, посвященных вопросу спасения хотя бы лучших из безмерных жертв Мира. Мы говорили, что все гении, все таланты должны быть поставлены в условия, обеспечивающие им независимость от какого угодно государства. Этот молодой человек — поэт, Мередит, настоящий поэт, поверьте мне. Я говорил с Вами о нем. Это тот самый, который жил со мной в Штатах. Помните, когда получили первые известия о бомбардировке Реймского собора, какой был вой! Но Реймский собор не разрушен, и, если бы даже он был разрушен, его можно было бы восстановить в несколько лет. Только убив самого художника, мы навсегда убьем его творчество. Храм, разрушенный варварами, все еще живет в душе поработленного народа, храм, разрушенный в душе художника, — погиб навеки. Мне говорили, вы написали негодующую статью по поводу разрушения красной гвардией памятников искусства в усадьбах русских бар. М-р Мередит! Вы пользуетесь влиянием, как представитель той Антанты, на содержании которой находятся все эти чешские проститутки. Вы должны спасти поэта, если вы не лицемер и не дикарь. Иначе

вы и вся ваша самодовольная Америка, все, все, — только толстокожие скоты.

Врач замолчал от приступа мучительного кашля. Гелий подошел к нему.

— Зачем все это, Митч?

— Я повторяю твои мысли, Гелий.

Мередит растерянно бормотал свое: «Уеа, Уеа»!

— Скажите ему, — обратился он к переводчику, кивая в сторону коменданта, — что они оба американские граждане, чтобы с ними обращались хорошо и т. д. и что я лично буду говорить со штабом.

Чех не понимал по-английски, но сразу оценил опасность. Допустить, чтобы ускользнул Гелий, о котором в официальном обвинительном материале значилось, что он расстреливал белых офицеров, было, конечно, невыносимо. Он решил действовать на свой риск. «Можно подать рапорт», мгновенно соображал он, «что такой-то, во время попытки к бегству... а на самом деле просто отправить в... земельный комитет». Он улыбнулся своей изобретательности, взял под козырек и доложил самым естественным тоном.

— Только что получено распоряжение перевести их на заимку для исправляющихся около Монастыря. Я постараюсь сделать это сегодня же. Там воздух, прекрасный вид, здоровый труд. Вы можете быть спокойны за ваших друзей.

И круто повернувшись, он быстро вышел из камеры. Американец соображал, следует ли ему проститься, но увлеченный конвоем, очутился в коридоре и махнул рукой. От дальнейшего обхода он отказался.

Через пять минут чех вернулся в камеру озабоченный и сияющий от нервного подъема.

— Собирайся! — сказал он Гелию.

— Вы видите, что я готов, — спокойно ответил юноша.

— Куда? — спросил врач.

— На «заимку».

Гелий подошел к своему другу и поцеловал его.

— Прощай, старина!

— Прощай? Нет, я иду с тобой.

— Ну, — засмеялся чех, — ты в другой раз.

Гелий взглянул на бледное дорогое лицо и, чтобы не длить безобразной сцены, большими шагами направился к выходу.

— Я с тобой, я с тобой!

Надзиратель легко отмахнулся от старого арестанта и захлопнул дверь.

Он остался один, прильнув на коленях к запертой двери, измученный, тревожный, безумный, посылая проклятья и угрозы в мертвую каменную пустоту.

Гелий, вместе с небольшим конвоем, вышел из ограды тюрьмы. Они быстро прошли пыльный город, пересекли линию железной дороги и пригороды и стали подниматься по направлению к Сопке. Сначала дорога шла среди свежего березняка, выше началось красное лесье и Гелий с наслаждением вдыхал теплый невидимый фимиам смолы. Шли долго, но он не испытывал усталости. Он шел впереди, забывая о карауливших его солдатах и, казалось, не они вели его, а он увлекал своих палачей к неведомому зениту.

Это было такое же сияющее утро, как в Лоэ-Лэле, когда он шел рука об руку с Гонгури в храм Сторы. И он испытывал такое же лучезарное ощущение бесплотности от бессонной ночи и возбуждения. Внизу, сквозь зеленые горы, стремился голубой, сказочный Енисей. Рядом вздымались кедры, а внизу, между красных скал, росли неисчислимые ирисы, сарана и красные гроздья незнакомых цветов, называющихся в Сибири ландышами.

В красном бору, у Красного Яра, красные ландыши!

Упоительный горный ветер стремился в его поднятое ввысь лицо нежным потоком.

Как сквозь сон, он почувствовал, что шедшие сзади остановились, осторожно защелкали затворами и зашептались быстрым чешским говором.

Он продолжал идти вперед не оглядываясь, подняв голову, улыбаясь навстречу ветру, небу и солнцу.

Он ликовал.

Он возвращался в Страну Гонгури.

Приложения

Из воспоминаний

«ДВЕ ВСТРЕЧИ С М. ГОРЬКИМ»

Шел третий год войны. Я написал мой первый рассказ «Открытие Риэля». Аналогия между солнечной системой и атомом казалась в то время смелой. Я думал, что подобного представления достаточно, чтобы армии бросили оружие. Я был молод.

Пришла февральская революция. Война продолжалась. Мой любимый товарищ, Ларисса Рейснер, писавшая рецензии в «Летописи», отнесла «Открытие Риэля» Максиму Горькому. Скоро она сообщила неожиданную весть: рассказ принят, но Горький хочет видеть автора.

Алексей Максимович принял меня в редакции. Он стоял за конторкой, такой же, как в «Обществе взаимного кредита». Волосы его были коротко острижены. Мне показалось, что Горький всегда был таким, а в журналах изображают его длинноволосым для театральности. Он раскрыл мою рукопись, и, посмотрев, сказал:

— А вы не находите, что здесь надо еще поработать?

Времени для работы у меня не было. Я замаялся. Мой рассказ того времени мало походил на «Открытие Риэля», напечатанный позднее. Благородный пастырь высказывал там высокие мысли, блоковская девушка смотрела на луну.

— Ну, ладно, — сказал Алексей Максимович быстро. — Только деньги, пожалуйста потом. Ведь вы не нуждаетесь?

Я почему-то промолчал.

— Вас не тянет написать социальный роман? — спросил Алексей Максимович на прощанье.

Я ответил, что «очень тянет» и мы расстались. «Летопись» закрылась прежде, чем для моего рассказа нашлось место. Я зашел за рукописью. Алексей Максимович вернулся не скоро. Он подошел ко мне близко, как все близорукие

люди. Плечи казались приподнятыми. Я смотрел на него, подняв голову.

— Не могу найти, — оказал он, чуть разводя руками.

Мы поговорили о том, что «сейчас» не до искусства... «Но вещь мне понравилась, понравилась», — повторил Горький, вероятно мне в утешение. Больше мы не встречались.

— В такое время надо крепче держаться за жизнь и не жалеть других, — сказала Лери Рейснер.

В лирических стихах она писала о себе в мужском роде, но она была женщина. У Троицкого моста, у гранитной набережной, пицал беспризорный кот. Лери подобрала беспризорника и засунула его ко мне за пазуху. Я принес его домой вместо «Открытия Риэля».

В 1920 году я был вридзавгубюстом в Красноярске. Это был первый оседлый год, считая с октября 1917 года. Я подписывал смертные приговоры и выручал спешно приговоренных к смерти, председательствовал в «Реквизиционной комиссии» и вводил революционную законность, раздавал: церковное вино — Губздраву, колокола — Губсовнархозу и руководил «Комиссией по охране памятников искусства и старины». В «Красноярском Рабочем» я редактировал «Бюллетень распоряжений». В Красноярске были поэты. Я стал редактировать еженедельный литературный уголок, называвшийся «Цветы в тайге». Город был вообще «литературным»: председателем Губиополкома был в то время Феокист Березовский; но т. Березовский хитрил и писал тогда только мемуары и критику, направленную против современных, несуразных, по его мнению, литературных «новшеств».

«Цветы в тайге» были признаны «навозом в тайге», а редактирование их слишком легковесным для заведывающего губернским отделом.

Я был переброшен в Канск. Я был одновременно зав-агитпропом, завунолитпросвегом, завуроста, редактором газеты и председателем товарищеского дисциплинарного суда. В это время я получил копию «Открытия Риэля», сохранившуюся чудесным образом, как говорили. Мне стало жаль воскресшей рукописи: она могла пропасть бесследно в любую минуту. Я выкинул благородного пастора и бло-

ковскую девушку, поместил своих героев в более подходящее место — в одиночку колчаковской тюрьмы — и напечатал на бумаге, принадлежавшей газете «Канский Крестьянин» книжку, под названием «Страна Гонгурии». На обложке стояла надпись: «Государственное Издательство». Это было совершенно незаконное, самозванное издание; но в данном случае я действовал по линии «Охраны памятников искусства и старины». Расходы мне удалось вернуть. Канские крестьяне покупали книжку: бумага была подходящая для курева, а цена недорогая: всего 20.000 руб. за штуку.

После выхода моей книги «Высокий Путь» М. Горький прислал мне короткую записку.

«Открытие Риэля», — писал Горький, — было напечатано под титулом “Страна Гонгурии” в Канске, в 1922 году. Об этом вам следовало бы упомянуть. Сделанные вами исправления не очень украсили эту вещь. Однако, мне кажется, что вы, пожалуй, смогли бы хорошо писать “фантастические” рассказы. Наша фантастическая действительность этого и требует. Всего доброго. А. ПЕШКОВ».

В этом письме самым удивительным для меня было, каким образом из солнечного своего Сорренто Алексей Максимович заметил рождение «Страны Гонгурии», на берегу таежного Кана.

В те дни стояли большие морозы. Антициклон лизнул нас сухим языком. Ртуть Реомюра падала до — 40. Записка Горького была не менее суха и его «пожалуй» — даже сурово. Но почему-то все же казалось, что это не морозный, а теплый туман Тирренского моря залил мою новосибирскую улицу Максима Горького. Если величайший писатель современности говорит, что он до конца жизни останется учеником, то что сказать о себе?.. Но не потому, что «познание есть наслаждение», а потому, что познание — страсть, как голод и любовь, ведущая к одной цели, независимо от того, радуется она или мучает...

Вивиан Итин. Страна Гонгури. Канск. 1922 г. 86 стр.

Фантастическая повесть «Страна Гонгури» написана в 1917 году и была принята М. Горьким под названием «Открытие Риэля» для журнала «Летопись», но не была напечатана ввиду закрытия журнала. Теперь в несколько переработанном виде она издана в Канске. Фабула повести такова:

Коммунист-партизан Гелий, интеллигент, возвратившийся из Америки в Советскую Россию, сидит в Красноярской тюрьме со своим старым товарищем, Доктором. Завтра чехи должны расстрелять Гелия. Доктор погружает Гелия, по его просьбе, в глубокий гипнотический транс, чтоб он мог посетить страну Гонгури — страну его поэтических мечтаний. Рассказ проснувшегося Гелия о своей жизни в этой стране, где он был молодым ученым Риэлем, и составляет содержание повести. А утром Гелия убивает сопровождавший его чешский конвой, якобы за попытку к бегству.

Сущность содержания повести заключается в изобретении Гелием машины-микроскопа с произвольно-большим увеличением изображения объекта, которая дала ему возможность рассматривать непосредственно строение молекулы.

Однажды Риэль ночью во время бессонницы вздумал рассмотреть строение голубого фосфоресцирующего шара, игравшего роль ночника. И тут — среди огромной захватывающей картины новых миров, идет описание одной, выбранной наудачу молекулы, которая оказалась новой солнечной системой. И там он нашел планету, подобную земле. Картины, которые увидел Риэль на этой земле, полны всеми ужасами современного человечества. Здесь и изображение европейской войны народов, и революция, и гражданская война с ее дикостью и жестокостью, и голод, и сытость ожиревшей толпы на пляже модного курорта. Ужас «маленького адика» поразил Риэля. Тайна космоса встала пред ним еще ярче, когда он почувствовал на себе взгляд Риэля другого мира, Риэля микрокосма, рассматривающего его так же, как он землю.

В заключение Риэль отравился. На земле он стал Гелием.

Мелкие детали, рассыпанные живыми блестками по повести, придают ей убедительность подлинного наблюдения. Поэтическое мирозерцание и философия автора, проглядывающая, как бы против его воли, в отдельных фразах, обладает определенностью единого синтеза. Подобно ароматному старому вину, эта философия опьяняет душу высшей уверенностью и дает Гелию силу спокойно идти на смерть.

Язык повести приятно выделяется вдумчивым желанием приблизиться к мастерам, хотя, иногда, не свободен от неуклюжей постановки придаточных предложений. К недостаткам повести следует отнести противоречивые впечатления от фигуры Гелия... Читатель чувствует какой-то скрытый разлад между фигурой красного партизана, смело идущего по пути революционно-гражданской войны и Гелия-студента Петербургского университета, поэта-мечтателя. К недостаткам изложения также следует отнести малую оттененность основных фактов. О сущности изобретенной машины говорится в двух словах, и при беглом чтении соль повести ускользает от внимания читателя. В повести мало действия, динамики, много описаний, отсутствует сконцентрированность содержания, для рассказа «Открытие Риэля» она слишком длинна, а для повести «Страна Гонгури» у ней не хватает единой связующей мысли. Автор не сумел сковать материал железной рамкой художественной необходимости. Получается впечатление, что не автор владеет материалом, а материал — автором.

Все же мы приветствуем эту маленькую книгу, как произведение, где бытие и его загадки, освещенные поэтической индивидуальностью автора, автора-коммуниста, встают во всем своем непреходящем значении, настойчиво призывая человечество к разрешению их.

Цена книги по-современному недорогога — 20 000 рублей.

П. К.

Примечания

Публикуемые в книге тексты приведены по первым изданиям с исправлением незначительного количества устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

Страна Гонгури

Впервые отдельным изд.: Канск, Государственное изд-во, 1922. Предисловие «От издательства» принадлежит автору.

История создания повести достаточно подробно освещена (в публикуемых ниже воспоминаниях) самим автором. История эта, растянувшаяся на десять лет, безошибочно свидетельствует об одном: Итин не готов был расстаться с текстом, хранившим и драгоценный для него образ Л. Рейснер, и те мысли и умонастроения, что он считал для себя центральными – и в то же время был вынужден адаптировать повесть к изменившейся политической реальности.

Первая редакция изначального рассказа возникла, как известно, в Канске в 1922 году. Стихотворение Итина «Я живу в кинотеатре...» (см. т. II) и воспоминания И. П. Вострикова доносят до нас некоторые бытовые подробности этого периода жизни В. Итина:

«Жил он в кинотеатре “Кайтым” (тогда иллюзион “Фурор” назывался). Заканчивался последний сеанс, люди расходились, а Итин получал возможность отдохнуть, переночевать. И книгу свою он писал в том же кинотеатре, при свете самодельной коптилки. Сами понимаете, такой образ жизни и на внешнем виде сказывается. И однажды мы с товарищами рассудили так: последить за ним некому, сам он человек стеснительный, поможем ему мы. А на том месте и в тех же зданиях, где сейчас ликероводочный завод стоит, были раньше колчаковские казармы. Когда беляки удирали, то они все свое обмундирование, в том числе и новое, ненадеванное, побросали. Из тех белогвардейских запасов мы и выбрали Итину одежду. Он, я помню, очень обрадовался и сказал, как же он во всем новом и чистом в иллюзион пойдет ночевать?.. И вот, когда я читал его книгу, меня очень удивило: как человек, будучи совсем неустроенным,

мог создать такое светлое произведение – мечту, сказку об удивительной стране, где живут люди коммунистического общества?»

Работа над повестью шла по линии возрастающей «советизации» и затемнения истинного смысла текста, который и после всех правок никак не сводился к «коммунистической утопии». Искусственно поместив героев в обстановку колчаковской тюрьмы и превратив их в красных партизан, автор к 1927 г. вторично отредактировал текст. Под исходным названием «Открытие Ризля» повесть была опубликована в журнале «Сибирские огни» (№ 1, 1927) и в авторском сборнике «Высокий путь» (1927). Эта, вторая редакция, представляется достаточно неудачной. Их текста были изъяты и некоторые лирические описания, и мистические переживания Гелия-Ризля, и детали ужасов войны и земного «ада» – словом, все то, что составляло силу «Страны Гонгури». Были сокращены и переставлены местами некоторые эпизоды и, наконец, искажен финал, – судя по всему, опять-таки показавшийся чересчур «мистическим» в год десятилетия революции. Захлебывающийся, но вдохновенный текст 1922 г. сделался невнятным и оборванным. Насильственные исправления в изданиях 1927 г. вызвали справедливую критику М. Горького (см. ниже). К сожалению, именно этот искореженный вариант вернулся к большинству читателей, когда в начале 1980-х гг. советские партийные функционеры соизволили «дать отмашку» и разрешить переиздание многострадальной повести. Лишь в 1994 г. повесть в редакции 1922 г. была впервые переиздана в Канске.

Интересные, хотя и краткие замечания о книге В. Итина предложил А. Бритиков в монографии «Русский советский научно-фантастический роман» (1970); любопытная и цельная трактовка содержится в работе В. Яранцева «Вивиан Итин: Гражданин Страны Гонгури» (*Мосты*, 2015, №№ 45-47).

В заключение укажем, что с повестью Итина связано немало ошибочных и часто тиражируемых представлений. Так, «Страну Гонгури» называют «первой советской научно-фантастической повестью» или «романом», ее автора, соответственно – «первым советским писателем-фантастом» и т.д. Однако, еще в 1918 г. была частично, а в 1920 г. полностью опубликована научно-фантастическая повесть К. Циолковского «Вне Земли». Не является «Страна Гонгури», как не менее часто утверждается, и «первой советской утопией» – честь эта принадлежит, видимо, «Путешествию моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» И. Кремнева (А. Чайнова), вышедшему в 1920 г.

В. Итин. Из воспоминаний «Две встречи с М. Горьким»

Впервые: *Сибирские огни*, 1932, № 11-12, с подзаг.: «М. Горький и советская литература в Сибири».

«Записка» М. Горького была ответом на просьбу В. Итина, высказанную в письме от 27 ноября 1927 г.:

«Ваша замечательная память поможет Вам вспомнить автора “Открытия Риэля” – рукопись, которую Вы приняли в “Летопись” и затем (к лучшему) потеряли.

Нечего говорить о радости, какую бы мне доставил Ваш отклик (я, конечно, думаю о записке в несколько слов) об этой книге. Здесь ведь с критикой неблагоприятно!..»

В «записке» содержались также критические замечания Горького относительно повести (или, по авторскому определению, «поэмы» в прозе) Итина «Каан-Кэрэдэ» (1926). Сохранился ответ В. Итина, из которого можно почерпнуть некоторые сведения о первом издании «Страны Гонгури»:

«Я не сделал ссылки на “Страну Гонгури”, потому что это фантастическое издание почти никому не известно. Я очень удивлен, что книжка дошла до Вас и осталась в памяти. Тираж, кажется, 800. Экземпляров 700, наверное, купили канские мужики на сигарки, так как “Страна Гонгури” была очень дешева – 20 000 рублей за штуку, а бумага подходящая... <...>

Антициклон лизнул нас сухим языком. Морозы достигают срока градусов. Но, поверите ли, действительно становится теплее, когда нас вспоминают на Капри».

Заметим, что редкость первого издания «Страны Гонгури» была обусловлена не одними лишь канскими мужиками. После ареста В. Итина в 1938 г. экземпляры книги, как можно предположить, уничтожались владельцами; до 1956 г. по указанию Главлита все книги Итина изымались из книготорговли и общих фондов библиотек.

П. К. Вивиан Итин. Страна Гонгури

Впервые: *Сибирские огни*, 1922, № 1.

Оглавление

Страна Гонгури	7
<i>Приложения</i>	
<i>В. Итин. Из воспоминаний «Две встречи с М. Горьким»</i>	97
<i>Л. К. Вивиан Итин. Страна Гонгури</i>	100
П р и м е ч а н и я	102

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.